

СОН ЗЛАТОГЛАЗКИ

Елена
Лапшина

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Москва
2 0 1 8

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л24

ЦЕНТР СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Издательский проект
«Русский Гулливер»

Руководитель проекта
Вадим Месяц

Поэтическая серия

Главный редактор серии
Андрей Тавров

Лапшина Е.

Л24 Сон златоглазки. — М.: Русский Гулливер; Центр современной литературы, 2018. — 172 с.

ISBN 978-5-91627-214-7

«Сон златоглазки» — это стихи, легко входящие в повседневный строй жизни. Они смиренны, молитвенны, символичны и в то же время просты и теплы. Автор умеет увидеть мимолетную красоту мира и одновременно проблеск непреходящего в ней. Эта двойная оптика жизни и красоты наряду с редкой по силе энергетикой — авторский знак поэзии, представленной в книге. В стихах, словно забывших про мотивы борьбы и отрицания, совершается работа жизни, открытой тайне «ежедневной смерти», как дороге в незримый и бессмертный мир, частично уже пребывающий среди нас. Возможно, поэтому время в книге принципиально обратимо. Стихи предполагают внимание читателя к скрытым культурным кодам. В книгу вошли как стихи из предыдущих сборников, так и написанные совсем недавно.

© Е. Лапшина, текст, 2018

© С. Кекова, предисловие, 2018

© Русский Гулливер, издание, 2018

© Центр современной литературы, 2018

ISBN 978-5-91627-214-7

Сны Евы

Отец Павел Флоренский свою книгу «Обратная перспектива» начинает с размышления о природе сновидений, сосредоточивая внимание на особенности течения времени. Он приходит к выводу, что время в сновидениях течёт не из прошлого в настоящее, как в яви, а наоборот — из будущего в настоящее. Мир сновидений — это не материальный мир, но духовный, следовательно, временная связь с миром духовным осуществляется не так, как мы привыкли в нашей повседневной жизни, где причина предшествует следствию, а по иному закону, закону «обратной перспективы», в котором следствие предшествует причине и раскрывает её смысл и значение.

По принципу «обратной перспективы» построена композиционно и новая книга стихотворений Елены Лапшиной. Новые стихи предшествуют написанным ранее. Читатель, знакомящийся с этой книгой, совершит удивительное путешествие в «поэтическое сновидение», в котором прошлое будет детерминировано будущим. Читая страницу за страницей, переходя от стихотворения к стихотворению, т.е. двигаясь в будущее, он окажется в прошлом. Приближаясь к устью, он окажется у истока (по словам самого поэта, творческий путь начался в конце 90-х годов).

Но закон «обратной перспективы» действует и в смысловом пространстве сборника. В стихотворении «И вроде бы лета короче, а зимы лютей» героиня мечтает проснуться в детстве, встретиться с собой и с теми, кто уже

покинул этот мир. Но перед нами не психологический экзерсис, а онтологическое по сути желание воскресения в вечности: «И всё, что даётся, и всё, что кончается здесь, / вне места и времени длится, и длится, и длится». Характерна в этом смысле строчка «Против течения в горнее уходя» из стихотворения «В той тишине, где яблони обветшали» или образ рыбы, «ныряющей наоборот», или головокружительный смысловой бросок от образа неверного возлюбленного — к Каю, а от него — к Каину.

Перед нами разворачивается игра света в гранях единого поэтического кристалла, разные смысловые слои просвечивают сквозь оболочку слов, накладываясь друг на друга. Так, в стихотворении «Осень с мешком наливных на горбу» три смысловых луча: «натуралистический», символический и типологический.

Осень с мешком наливных на горбу
ходит каргой по дворам.
Спит златоглазка в стеклянном гробу
меж заколоченных рам.

Мнится на улице злой хохоток,
ветхое вьётся тряпье.
Спит златоглазка, свернув хоботок.
Кто поцелует её?..

Неприметное насекомое с красивым именем, уснувшее меж заколоченных рам, — вполне узнаваемый обыденный образ, который преломляется в поэтическом пространстве, превращаясь в образ спящей в хрустальном гробу пушкинской царевны, ожидающей своего жениха. Но для духовного ока раскрывается потаённый смысл стихотворения, его творческий первоисточник, суть которого — в надежде воскресения мёртвых.

Елена Лапшина нежно и осторожно прикасается к миру, который прекрасен и трагичен одновременно. Прекрасен, потому что сотворён Богом, трагичен, потому что человек потерял рай, когда-то дарованный ему. Рай остался как воспоминание, как сон, поэтому так част в сборнике мотив сна: сны снятся рыбам, насекомым, вещам и, конечно, лирической героине.

Но это не просто «поэтические сновидения». Перед нами сны Евы, внявшей словам змея, соблаздившейся и соблаздившей Адама, изгнанной из Рая, осознающей свой грех, свою ответственность, страдающей от боли непоправимого рокового шага: «А у меня — оскомина и сладость, / предательство Адамово, враньё / и Евы — не бессилие, но слабость — / влеченье, наказание её».

Боль, страдание, мука, но не отчаяние, ибо Еве открыт и путь спасения. Трудный, скорбный, мучительный, но одновременно светлый и радостный:

Спросонья прислушайся, смяв под рукой образок, —
вот боль возвращается, как возвращается нищий.

И ноет, и ноет: подай мне, подай мне кусок.

И гложет, и гложет, пока не подавится пищей.

А ты ей: не больно, не больно... — и плачешь,

и гладишь бока.

Баюкай её, утешай, как голодное чадо, —

кормилицей, нянькой, понявшей, что жизнь коротка
и больше — не надо.

И ночь выцветает в окне, как пролившийся йод.

Серебряный крестик от пота темнеет на шее.

Ты просишь: подай мне, подай мне... И Он подаёт,
и тело, и кровь предлагая тебе в утешенье.

Какую весть нам должно принести самое главное «сновидение», «абсолютное сновидение»? Каков смысл и итог

всего? Для чего дана нам жизнь? «Абсолютное сновидение» несёт нам весть, что сна больше не будет, точнее, не сна, а смерти. И нашей Еве дано такое «откровение сна». Только это и спасает её и её мир от бездны отчаянья:

Причастие 24.VII.2004

Отцу Димитрию Шумову

Незрячая, безгласная, глухая,
израненная до смерти в миру...
Но ангелов невидимых вдыхая,
я чувствую, что больше не умру.

И значит, бег извечной круговерти
замедлится, и тем, кто слеп и глух —
таким, как я — уже не будет смерти,
но возвратятся зрение и слух.

Над пеленою блудного былого
всё ново: удивляйся и внемли!
И мир — одно Сияющее Слово,
как в первый день творения земли.

Человек живёт не между рождением и смертью, а между рождением и рождением в Царство Небесное. Вот об этом и свидетельствуют сны Евы, поведенные нам поэтом Еленой Лапшиной.

Светлана Кекова

* * *

Где-то воды стоят покойны, движенья чая,
где-то злачные пажити изобильны.
Тростниковую лодку посуху волоча, я
[будто бы все спаслись, а меня забыли], —
постаревший, вод не видевший Антиной
в засухе затяжной.

Где он — край заповедный? [А мнилось — близко.]
Мне доплыть бы, всякую тварь спасая,
да окрест ни аспида, ни василиска, —
праотец юродивого Мазая.

Может, там голубица вдали ликует —
крыльев слепящие всплески, порски.
То ли на горе белизна бликует,
то ли нарождается свет Фаворский.

То ли отыскал я свою потерю:
под горою ливанский кедр, смоляные сосны,
на горе цветущей — глазам не верю! —
вот он — высокий, гордый, победоносный!.. —

в зареве золотом
город стоит Содом.

2017

* * *

Неужели, Господи, так и сгинем
на бескрайнем белом под синим-синим...
Запечатляясь письмом, портретом
(что на том – неведомо, пусть на этом!),
фотоснимком переживать живое,
комаром впечататься в лобовое,
слепком, следом ли на подталом,
чтобы здесь остаться хоть чем-то малым.
Ладно книгой, хотя бы культёй абзаца,
парой строк куда-нибудь да вписаться,
расшибая лоб, матеря иное,
всё ломиться в мнимое, плотяное,
пробивая бреши в небесной гжели,
вопрошая: Господи, неужели?..

2017

* * *

Кто в доме лубяном? Насельник, отвори —
поговори, согрей продрогшего на стуже.
Послушай, если ты тот, кто сидит внутри,
то почему коришь стоящего снаружи?

Чего тебе ещё?.. — за тридевять ходить,
носить тебе рожна и быть во всём повинным?
Да как тебя ни тешь, ничем не угодить —
ни птичьим молоком, ни рисом муравьиным.

Молчи себе, а нет — с любовью обличай,
по мелочи пеняй, оправдывая случай.
Не нарочито — нет, — как будто невзначай.
А лучше ничего не говори, не мучай.

2017

* * *

...И найденное — не было искомым.
Никто из сыновей не утаит
то яблоко, что встало в горле комом —
Адамово — так в горле и стоит.

А у меня — оскомина и сладость,
предательство Адамово, враньё
и Евы — не бессилие, но слабость —
влеченье, наказание её.

В каких бы ты садах ни шёл тропюю,
к каким бы ни притронулся плодам,
любой из них, надкушенный тобою,
тебе напомнит яблоко, Адам.

2003–2017

* * *

Забери, забери, забери
это всё, что скребётся внутри,
всё, что щерится в прорезь зрачка —
человечка меня, червячка.
Ничего не оставь, ничего —
моего.

Говоришь: дурачок, червячок,
человечек, пескаррик, сверчок,
будь покоен, стручок, будь здоров —
Я даю тебе пищу и кров.
Ты во Мне, Я в тебе — не дури,
забери Меня ты, забери.
Эту боль, этот свет изнутри —
всё бери!

2017

* * *

Родной канзас от щелбета оглох,
летает пух, цветёт чертополох
и наступает время ураганов.
Упругий воздух, скрученный трубой,
качает мой вагончик голубой —
плацкарта, дребезжание стаканов.

Вокзал канзасский канул без следа —
летят года, вагоны, города.
То крышу рвёт, то Тошку укачало...
Я обживаю перелётный быт.
Мне всё равно, куда вагон летит —
в конце всё начинается сначала.

2017

* * *

Хорошо бы жить, ничего не зная —
вот тебе коврижка-ватрушка-сайка.
Если мир — тарелочка расписная,
то и жизнь — что яблочко-покатайка.
Жаль, не наливное, а так — китайка.

Да тебе неймётся — всё ищешь смысла.
Куды котишься, ладная, молодая? —
переставляя то падежи, то числа,
на кофейной гуще впотьмах гадая.
Вечный голод яблоком заедая.

Видно, не по разуму эта ревность.
Никни, долгий волос в косу свивая.
Засыпай, отравленная царевна, —
матери оскомины вековая.

2017

* * *

(русская народная песня)

Ой, дела мои, дела —
я сегодня весела —
я ходила-хороводила, приплясывала.

А я бёдрами покачивала,
чеботами приколачивала.
А я квёлых-невесёлых озадачивала.

Меня милый целовал,
миловал и предавал,
возвращался, обещался, зазывал на сеновал.

А я вдовая,
я бедовая.
Моя доля — бабья воля бестолковая.

Я сегодня весела —
я взяла да и пошла —
целовала-миловала, приголубливала.

А права я — не права, —
мне что слава, что молва,
мне что воля — что неволя, а слова его — слова.

Ой, дела мои, дела —
я сегодня весела —
всё ходила-хороводила, приплясывала.

2017

* * *

Поговори со мной, стоящий за спиною,
не помятая зла, утешь меня, утешь
на этом языке, где самое родное —
страдательный залог, винительный падеж.

Услышь меня, пока шепчу из-за плеча я,
покуда сторожу и времени сполна.
Я слышу голоса, но слов не различаю,
уже не вижу лиц, но помню имена.

Я с ними говорю, стоявшими заслоном.
Их, прозвучавших здесь, там — эхо повторит.
И ты пойдёшь за мной, как я иду за Словом,
и тот, кто за тобой, — пусть с нами говорит.

2017

* * *

В терпении жизни подённой,
гонима на той, что стою,
в зимовье её на Студёной
с тоскою по небытию:
сама себе — дальние страны,
где странноприимны кресты.
В сквозные оконные раны
остуда влагает персты.
И пробует: правда ли это —
живое тепло какво?
И не получает ответа.
А, может, не верит в него.

2017

* * *

1

Небо сине, солнце жёлто, зелена под ним трава.
Я царевна и пускаю лебедей из рукава.
Как понять, что я царевна? — вот корона, вот фата.
Хороша моя картина, тритатушки-тритата.

Только в жизни я другая — плакса, писаюсь в кровать,
потому что в этом мире в тихий час нельзя вставать.
Я терплю, и замирает в безысходности душа...
Распростёрта надо мною синева карандаша.

2

Вот получишь ремня и реви в темноте, голоси
и прощенья проси, выноси справедливость прещенья.
Иже Кто там еси? — Но тебя заставляют: «Проси».
Ну, конечно, сначала ремня, а потом уж прощенье.

В темноте — никому, ничего, ни за что, никогда —
не признаешь вины, и ремень тебя не застрашает.
Но в темнотах такое живёт, что не имеет стыда
и не знает любви, потому — никого не прощает.

Пустяковая взбучка — горячка пониже спины, —
всё до свадьбы ей-ей заживёт — хоть назавтра и сватай.
Справедливость живуча — и с той, и с другой стороны,
ибо все мы равны — наказующий и виноватый.

В детских поисках жизни привольной
 пыльным полднем пришли ты и я
 под гудение высоковольтной
 на промзону Его бытия:
 ни пчелы, ни цветка, ни ехидны,
 над прудами — сухие кусты.
 Эти земли, как прежде, безвидны.
 Эти воды, как прежде, пусты.
 До Адама и Евы над бездной
 мы в молчаньи глядели с тобой,
 как в текучей лазури небесной
 округляется кит голубой.

Это только кажется, что просто...
 Девочка, секретница, дитя,
 привыкай к душевному сиротству,
 с взрослыми родства не обретя.
 Радуйся молчанью, как подарку,
 там, где виновата без причин,
 где тебя, как мелкую помарку,
 красный карандаш изобличил.
 Девочка, подросток, канарейка —
 вкус вины, оскомины стыда.
 «Поскорее, детка, постарей-ка —
 вот тогда узнаешь, вот тогда...»
 Век спустя ты встанешь к изголовью
 не затем, чтоб позднее «прости»
 старость, обделённая любовью,
 кое-как смогла произнести.
 Ври, душа, прощайся втихомолку, —
 из тебя вовек не выйдет толку.

В доме, где по-прежнему чужда,
встретятся больное чувство долга
и любовь по имени «нужда».

5

Спросонья прислушайся, смяв под рукой образок, —
вот боль возвращается, как возвращается нищий.
И ноет, и ноет: подай мне, подай мне кусок.
И гложет, и гложет, пока не подавится пищей.

А ты ей: не больно, не больно... — и плачешь,
и гладишь бока.

Баюкай её, утешай, как голодное чадо, —
кормилицей, нянькой, понявшей, что жизнь коротка
и больше — не надо.

И ночь выцветает в окне, как пролившийся йод.
Серебряный крестик от пота темнеет на шее.
Ты просишь: подай мне, подай мне... И Он подаёт,
и тело, и кровь предлагая тебе в утешенье.

6

Смолчит стяжавший благодать
(и скажет — перёврет).
А я бы не хотела знать —
когда кому черёд.

Не твоего, не своего —
ни года, ни числа.
А если б знала, — что с того —
кого бы я спасла?

Кольцо покатится с крыльца —
сбежавшее звено.
Но претерпевший до конца...
но претерпевший...
но...

2016–2017

* * *

Дремала, книжечку листала
и коротала выходной, —
я не заметила, как стала
старухой медленной чудной.

И всё — то призраки, то дети,
их колготня и суета.
И всё не так на белом свете,
и всё не то, и я — не та.

2016

* * *

Когда умру и сделаюсь звездой,
а здесь оставлю выползок пустой, —
довольна буду участью любою.
Мне всё равно — не стану возражать:
назначьте, как и где ему лежать —
на кладбище под елью голубою,
в земле своей — чужой по мне дыра —
она с изнанки вся равно сыра.
[Гляди, душа, с отвагой голубиной,
приглядывай, как мудрая змея.]
А в этой яме — всё равно не я
зажата глубиной и белой глиной.
Сплетётся дёрн поверх земных заплат —
пусть лисохвост растёт и гравилат —
любой сорняк хорош в юдоли тварной,
когда природа прёт на всех парах...
А то, быть может, пусть развеют прах
иль замуруют в нише колумбарной.
Мне всё равно — не тштитесь, хороня,
но поминайте иногда меня.

2016

* * *

Сны мои раз от раза всё безнадежней.
Выйдешь с утра во двор, поглядишь обаче, —
нет, не проснулась: воздух и морок здешний,
всюду просевший снег, крендельки собачьи.

Знать бы наверняка, так гори — не жалко.
Сдую-таки, поокаю, посижу тут.
[Вот бы и мне в девичестве сесть за прялку,
яблоко съесть, а далее — по сюжету...]

Пальцем не шевельну [рыбья кровь — водица], —
принц белоконный будет ломиться в двери.
Без поцелуя, только бы пробудиться.
Не по делам, пожалуйста, но по вере.

2016

* * *

Перенимая птичью худобу
и сообразно возрасту повадку,
ходить бочком, очки носить на лбу,
беспечней относиться к беспорядку
(но памятки записывать в тетрадь),
при непогоде морщиться недужно.
Из тех вещей, что можно потерять,
мне ничего почти уже не нужно.
Вышептывать стихи (куда ж их деть),
жить, никого собой не озаботив.
И будто бы в рассеяньи глядеть
на мальчика, сидящего напротив.

2016

Любить Париса

1

*«Потерять навсегда можно
только Гектора...»*

Елена Исаева

С тугой осанкой кипариса, —
богов бессмертных не спросив, —
любить не Гектора — Париса
за то, что молод и красив.

Покуда дремлют колесницы
и не подрублена лоза, —
за эти длинные ресницы,
за эти карие глаза.

Не жребий выпал, — почему же,
среди героев и богов —
любить мальчишку, а не мужа,
любить за то, что он таков?..

И зная, что с ним приключится,
на время краткое посметь —
любить за детские ключицы,
за эту юность, эту смерть.

«Я роза саронская, лилия долин!»
 (I am a rose of Sharon, a lily of the valleys!)
 Книга Песни песней Соломона 2:1

День пройдёт — никакого с него спроса,
 никакой вины — принимай сице.
 До чего ты красива, роза моя, роза.
 Почему от тебя так свербит в сердце?..

Вроде всё хорошо, размеренно, без насада.
 Разве холод внутри стоит, — так не боль же.
 Всё-то есть, ничего больше мне не надо.
 А взгляну на тебя и пойму — ничего больше...

Ни коснуться тебя нельзя, ни обнять мне.
 Старость — это будто бы от мороза
 умирают голуби в голубятне...
 До чего ты красива, роза моя, роза.

«...близ конечных пределов ночи...»
 Гесиод

Сплошное сияние! — якобы свято,
 потом, — угасая, — усилия тела, —
 когда он слетает с высот Монсальвата,
 я просто бы из-под ладони глядела —
 неузнанной Ледой — на первенца стаи:
 на дерзкую шею, на крылья в изломе.
 Осмелиться если б, устать и истаять,
 застыть в запредельной безвылазной коме.
 И больше уже никогда не проснуться,
 не сбывшись дряхлеющей девой в седирах.

Замедлить дыхание, лбом прикоснуться
и спать меж лопаток его лебединых.

4

Потаённое, здешнее — вот оно, вот оно, вот...
Воскресенье, окно, подоконник с процветшей драценой.
Мимолетная сладость, мальчишеский нежный живот
[эта ранняя старость внутри... этот стыд драгоценный...
эта дрожь... эта жажда...] и руки ещё сплетены,
но уже в монохромную память пошла раскадровка:
как красивы запястья... и оторопь влажной спины
под моими ладонями... вот оно... *принц-полукровка*.
То ли стаю вспугнули — швырнули пшено голубям
[трепетание крыльев, не тщишь, облекая в слова ты!..]
Утихает дыханье, ключица припала к губам,
словно краешек чаши изогнутый, солоноватый.

5

Там на реке, плескаясь и хохоча,
шумной ватагою, — только один не в счёт.
Будто река другая с его плеча
жилкою голубой по руке течёт.

Если бы я не думала о таком —
тонком и нежном с шёлковым животом...
Мальчики пахнут потом и молоком,
а молоком и мёдом — уже потом.

Там по реке вдоль берега — рыбаки, —
тянут песок и тину их невода.
А у него ключицы так глубоки, —
если бы дождь — стояла бы в них вода.

Я бы купила серого соловья,
чтобы купать в ключице, да неспроста:
я бы хотела — этого — в сыновья,
чтобы глаза не застила красота.

6

Полдень стоит в Эдеме, сладкое бродит брашно —
позднею луговою ягодой угости.
Только в глазах темнеет и наклониться страшно.
Юный Адам смеётся, ягоду мнёт в горсти.

Дудочку и кувшинчик дай ему — он моложе,
он преклоняет травы, и устилают путь
розовые соцветья, венчики, цветоложа.
Господи, искушенье — запах его вдохнуть.

Ешь у меня с ладони — радость моя, проруха, —
смуглым плечом касайся будто бы невзначай.
Мне ничего не надо — Господи, я старуха, —
только бы это лето, ласточки, иван-чай...

7

и не на что пенять
[всё всуе на авось]
хотевшая обнять
коснувшаяся вскользь
прошедшая насквозь
молчащая как мать
гремящая как медь
пророчившая рай
[ломавшая комедь]
раздраживая страсть

растрвливая сплин
[и преломляя трость
и угашая лён]
утраты торопя
[нетерпеливый зверь]
сгубившая тебя
твоя Иезавель
сумевшая любить
[до боли не щадя]
посмевающая забыть
что ты ещё дитя

2015–2017

* * *

Сломанными флажками сверху сигналиит птица.
Кто её понимает? — нет никого окрест.
Только над прудом ива — будто пришла топиться.
Ива стоит и плачет, чёрную землю ест.

Бездна небес глядится в тёмный нагрудник пруда,
видя в нём только птицу, рваный её полёт.
Небо само не может жить ожиданьем чуда.
Ива стоит и плачет, чёрную воду пьёт.

Что у неё за горе? Кто её здесь оставил?
Но прибежит купаться — выгнется и вперёд! —
тонкий и голенастый, с виду как будто Авель.
Ива ему смеётся, — кто её разберёт.

2016

* * *

Медведицей, утицей — всем, чем кажусь,
тебе я, царевич, ещё пригожусь.
На край и за край — за тобой по пятам
[куда ты подался? чего тебе там?
какой молодецкою блажью гоним?]
И я побежала за ним...
Остался на ветке в чащобе ночной
рукав лебединый да жемчуг речной.
Острастна крапива, горька лебеда —
по следу, по следу — а нету следа...
[Не имамый правды соделался пуст...]
И вся эта жизнь — как-сквозь-куст.
Чтоб хлеб с голодухи железный глотать,
и кровью давиться, и зубы глотать.
...Отнимешь глаза от земли, а над ней
и кроны редуют, и небо видней.
Ан вот он, родимый, лежит налегке
с калёной стрелой в заскорузлой руке,
на каждой глазнице — железный кружок:
Ну здравствуй, царевич, — заждался, дружок? —
Прилягу и я отдохнуть под кустом,
тебя поцелую оржавленным ртом.

2016

* * *

1

Упрямо бредущим с росой на висках,
по грудь увязающим в сонных песках

и пьющим печали песчаное пенье,
одно испытанье — терпенье, терпенье...

А время ещё никуда не текло,
и воды стояли, как будто стекло,

незримо связуя зернистые звенья —
песок в тонкостенном сосуде забвенья.

А время и не обращалось во зло,
покуда не взялся Харон за весло,

но ринулось тайно точимую брешью
слепое стремление рек к побережью,

упорство падения струй с высоты.
Но нам, обретающим рыбы хвосты,

оно уже не приносило вреда —
пленённое время клепсидры — вода.

*Искатели страсти, свидетели грусти —
земля не примет, вода — не отпустит...*

...И было объятье девятого вала,
и ртами пираний вода целовала,

и бились в борта, выходя из воды,
харибды и сциллы — ладони беды.

Щепой корабли разлетались, дощаты.
Просили не силы, просили — пощады.

Но тайного слова губительный гнёт:
земля не примет, вода — не вернёт.

И ныне над нами смыкаются своды —
тяжёлые льды — онемевшие воды.

Ни звука, ни вдоха, и виден сквозь лёд
мерцающих рыбиц застывший полёт.

Лбом припадая ко тверди воды,
сквозь темноту устремляясь к нему я —
в глубоководное, глухонемое,
взглядом вращая во льды...

Вон он — за необратимую тьмой
[в этой воде, не смягчающей жажды, —
как дезертиру, бежавшему дважды] —
лживый, но ныне немой.

Чем же утешить себя остаётся? —
Были бы живы, — надёжный дождётся,
верный — вернётся домой.

2005–2009–2016

* * *

Как балерина в комнате пустой, —
на цыпочках, под зимним одеялом, —
ты подойди, у зеркала постой.
Пододеяльник — белое на алом...

И невозможно маленькой стопой
коснуться досок крашеного пола.
Ты поджимаешь пальцы... Бог с тобой...
Ветрянка, жар, пропущенная школа,

отметины зелёнки на белье
и, будто в крылья тяжкие одета,
ты всё долбишь своё батман-плие,
ещё живая девочка-Одетта.

2016

* * *

И вроде бы лёта короче, а зимы лютей,
и ночи бессонней, а сны наяву — беспробудней.
Уже фотографии стали дороже людей,
а воспоминания ближе сегодняшних будней.

И вещи уже тяготят, хоронясь по углам,
теснят в неуюте квартиры (тоска городская) —
желанные прежде — теперь превращаются в хлам.
Лишь те, что из детства, упорствуют, не отпуская.

И вот бы проснуться отсюда, и там — наяву —
себе постаревшей, как старому другу, доверя
и ключ от квартиры, в которой уже не живу,
и запахи комнат, и звук открываемой двери...

И чтобы все живы, и в воздухе пыльная взвесь,
воскресное утро, на кухне вещает столица.
И всё, что даётся, и всё, что кончается здесь,
вне места и времени длится,

и длится,

и длится...

2016

Желанием жива

1

Ольге Ивановой

ещё одна зима
то дрожь то забытьё
смятение ума
безумие её
укрыться с Покровá
где книга и кровать
[на всякий — рукава]
и не существовать
во мнимое скользнуть
[бежа её мрежей]
сквозь ледяную снить
оконных витражей
покуда же из-под
испарины земной
не глянется испод
не встанет предо мной
по зову естества
[желанием — жива]
ещё одна листва
ещё одна трава
ещё одна зима
[желанью вопреки]
да ледяная тьма
над логовом реки

ни тропы ни улицы не найти
в мельтешеньи снега её слепом
ты очнёшься мальчиком в темноте
к полынье стекла припадая лбом
ничего не памятуя мертвей
ледяных качающихся ветвей
истязая слух
отрясая прах
отпевая птиц на её ветрах
изнывая
воем сводя с ума
в темноте забрезжится волчий час
и тогда восходит она сама
в тесноту оконную просочась
заслонись рукой
[красота люта]
но скрипит на стеклах её слюда
снежный хохот
оморок ледяной
[и забьёшься зябликом раз мы врозь]
и её стояние за спиной
и её дыхания изморозь
не умри в горячечном том бреду
продыши окошко в кромешном льду

2016

* * *

В той тишине, где яблони обветшали,
яблоко стукнет ржавый в траве ушат,
сумерки подошли в комариной шали,
листья шуршат.

Под одеялом то зазнобит, то жарко.
Склянкою ночь в проёме окна блестит.
Дождь шелестит, как лук шелушит кухарка,
дождь шелестит...

Дождь шелестит, и слыша его вполуха,
против течения в горнее уходя
и засыпая, сгорбишься, как старуха,
тая столпом соляным в глубине дождя.

2016

* * *

Стоит морозный март, не стаяли низины,
обледенелый двор — что ни обуи — каток.
Такая ночь висит, — и не припомнят зимы.
И тонок лунный коготок.

Натоплено в дому, но двери отперев, я
со скользкого крыльца

затылком

и

спиной...

И вот лежу-гляжу сквозь чёрные деревья.
И будто бы постель остыла подо мной.

Как хорошо вот так согдаться на прокормку
беспечному, кому да не вменится в грех
поклёвывать небес твердеющую корку,
а мне смотреть на свет, текущий из прорех.

Назавтра поднимусь, насыплю здесь опилок,
где свойственны насквозь все эти дом и вяз.
Мне б только не уснуть... Я щупаю затылок.
И всё бы хорошо, да коготок увяз.

2015

* * *

Здесь нет чужих и равно нет своих —
какой-то общий вывих на двоих,
разрозненность рискующих над краем, —
не оступись, не сгинь за окоём!..
Но мы стареем быстро, как живём.
И медленно, и скоро умираем...
Не выдавай, несведущим скажись, —
какая мука — дрящущая жизнь,
сожми её, как боль, в одно мгновенье.
Какая воля к смерти нам дана...
Война во мне — предвечная война —
грядущее всего исчезновенье.

2015

* * *

«...от мысленного волка звероуловлен буду»

Иоанн Златоуст

Переплетенье веточек и вен,
чащобная тревога средостенья
и зверя затаённого смятенье,
покуда он не звероуловлѣн.

Он гнев и голод — волчье естество,
суть нутряного рыка: аки зверь я!..
Он щерится в просветы межреберья, —
ни выпустить, ни удержать его.

И в немощи ему не присмиреть,
а в силе — темнота его кромешна...
Пускай умрѣт, и волку — волчья смерть.
От одиночества, конечно.

2014

* * *

Золотая лодка лежит на илистом дне
в слюдяных улитках по всей длине.
Шелковистой тиной выслан её живот.
Хорошо в ней лежать и глядеть через толщу вод.

Золотая лодка лежит в дождевом лесу,
обрастая лианами сверху и донизу.
Там зелёная дрёма качается, как волна.
Крутобёдрая лодка водой до краёв полна.

Золотые лодки, лежащие на горе
в ледниковом искристом серебре.
хорошоливольдулежатьдаглазамневмочь
ледяныеслепыелицаглядятсквозьночь

Я жила и верила, что плыла.
Тяжела душа моя, тяжела.

2014

* * *

Говорила мне синица:
«Разожми свою ладонь».
Полно, глупая, проситься
в неба синюю ладонь.

Мне самой бы улететь от тебя на небеса,
где поют осанну в вышних золотые голоса...

Говорила мне синица:
«Ты глупее, чем синица —
бабе по небу летать.
Полно, глупая старуха,
раз ни голоса, ни слуха
да и крыльев не видать».

Солнце к западу клонится.
Я люблю Твою синицу.
В небе проблеск голубой.
Спи, синица. Я с Тобой.

2014

* * *

В бессилии слова, в молчании немоты,
когда холодеет воздух до ломоты
и тянутся длинные тени со всех тенет, —
он так обнимает меня, будто смерти нет.
Но всё ж — разделённые смертною пеленой, —
и я лишь на ощупь знаю, что он со мной.
И каждый из нас объятъем земным пленён,
и ночь, — как стремнина, и мы в темноте плывём,
до боли ладони стиснув, разъяв умы.
И нам не спасти друг друга от этой тьмы,
где мы — в наготе, в бессилии, без прикрас,
где должен быть Кто-то Третий промежду нас...

2013

* * *

Под окном — снежок,
под снежком — ледок.
А под ним — храним
золотой следок.

То ль грусти-пусти,
то ль — хватай коньки.
По всему пути
стынут огоньки.

Ночь идёт — не зги —
с тоски тронешься.
А во след беги —
не утонишься.

2010

* * *

Осень с мешком наливных на горбу
ходит каргой по дворам.
Спит златоглазка в стеклянном гробу
меж заколоченных рам.

Мнится на улице злой хохоток,
ветхое вьётся тряпьё.
Спит златоглазка, свернув хоботок.
Кто поцелует её?..

2010

* * *

Ни ходко — ни валко,
не лодка — не барка:
плавучее диво — речной рыба-кит
гирляндами светит, трубою дымит.

Не шибко грузён, не совсем налегке
плывёт пароход по великой реке.
И слушают жители душных кают,
как ночью над Волгой русалки поют.

— Утопишься, дура, — не стой над водой, —
пеняет купчина жене молодой.
И тянет елейно от сытой ленцы:
— Погибшие души — у-топ-лен-ни-цы...

Усыпано небо чешуйками звёзд,
качается в волнах русалочий хвост.
Хоть в чёрную воду, хоть в небо гляди,
русалочий голос таится в груди.

2010

* * *

Мне говорили: «Всё без толку.
И то — какой с ребёнка спрос», —
когда заваливал на ёлку
кроваво-красный дед мороз.

Я упиралась со слезами,
пока зловонием дыша,
тот шарил красными глазами
соседа «с пятой» — алкаша.

А взбудораженные предки
велят читать ему стишок.
...Я высоко на табуретке,
как будто пеночка на ветке.
А тот — берётся за мешок.

Я ничего не понимаю,
я свой подарок обнимаю
под сиплый кашель горловой.
Оцепеневшею фигуркой
стою с пластмассовой снегуркой,
и звон плывёт над головой.

2010

* * *

Дерево-дерево — ствол трубой,
крона, — как дым голубой.
Дай постою с тобой!

Ночью идёт от земли тепло,
Дерево-дерево расцвело.
Дай загляну в дупло?

Дерево-древо в моём саду —
ветви во облацах, корни — в аду.
Дай я в тебя войду...

2010

Значения имён

1

Ещё не пепел — пух летает в кущах,
пока раздвинув облачный альков,
Невидимый глядит на мотыльков
и меж цветущих вересков снующих
голубоглазых лис и корольков.

Благословенна твердь стоит земная.
И в чаще — пробудившись ото сна, —
идёт Адам, дающий имена, —
и ничего о будущем не зная.
И спит вода во облацех, темна.

Ещё не знают ветхости живые.
Но незаметно тля сосёт лозу
и тлеют листья в мыслящем лесу.
И скоро незатейливо — впервые —
солжёт лиса на голубом глазу.

2

В начале лета изгнанный Адам
иную жизнь читает по складам.

Бежав из детской, знаний восхотев,
рогатку взяв и сапоги надев, —

стрелять, ловить лягушек в камыше
и делать всё, что хочется душе.

А Ева колет пальцы о шитьё,
и он вполуха слушает её.

— Я забываю прежний наш приют.
Здесь ангелы с рассветом не поют.

А по ночам заглядывают те,
что тьмой иной таятся в темноте.

Я чувствую, как звери голодны,
как травы под ногою холодны.

И ныне в этом теле — во плоти —
наш первенец стучится взаперти...

— Не рѹпци, жѹно, не моя вина...
здесь всё, чему давал я имена:

вон там — река и солнце на воде,
а вот блоха ползѹт по бороде,

деревья, звери, птицы и цветы,
и в кожаных одеждах — та же — ты.

Здесь каждый вечным именем клеймѹн.
Но я забыл значения имѹн...

А всё ж привольно!.. Погляди, как там
олени поклоняются цветам,

как сокол бьѹт голубку налету,
и как прекрасно терние в цвету!..

На задворках великого мира — окраине света,
где помойная куча гниёт и цветёт золотарник,
пахнет мёдом и тленом золотое Господнее лето,
на останках забора пирует упорный кустарник.

Нет имени месту — оно безназванное «где-то»,
где умолкли языки — ни Азии нет, ни Европы... —
терпеливых жуков, жадных гусениц тайное гетто,
катакомбы червей, муравьиные торные тропы.

Захолустье вселенной, где полдень стоит, как впервые,
где блуждает вино по дичающим лозам агдама.
Всюду Божии твари — носители чуда — живые
забывают свои имена по уходе Адама.

2008–2010

* * *

Щебет в потёмках памяти — птичий прах.
Шепчет, лепечет, плачет сплошная ночь.
Шаришь в её пещерах, её шатрах, —
всякую вещь на свету превращая в дождь.

Манишь её, обманываешь, зовёшь,
то ковырнёшь, как денежку из коржа.
Тащишь за краешек ветошь — и всё же рвёшь.
Тронешь — железо, вытянешь — та же ржа.

И покидаешь, глядя через плечо,
прошлого опустевшее шапито.
Шепчется, плещется: всё ещё, всё ещё... —
там, где уже никто, никогда, ничто...

2009

Читая «Город Ленинград»

Анатолию Найману

После детских побед полагаются — труд и усталость,
долгий старческий стыд, перечёт синяков и камней.
У одних — никого, у других — никого не осталось, —
только жалость и жизнь или воспоминанья о ней.

— Подожди, не беги! В этой памяти — только по следу,
как на топкой тропе, — если только настелена гать...
Это — выморок лет, незаметно впадающих в Лету.
Претерпеть и простить, и былого бы — не оболгать.

Погляди, как дитя, и опять изъясняйся по-птичьи,
но ходи-собирай побережную гальку в подол.
Скуповатый Харон, не найдя медяка в подъязычье,
покачав головой, липковатый возьмёт валидол.

2009

* * *

Сон ли его нарушу
или душа слепа:
из-подо льда наружу —
кисть, голова, стопа...

Глянeshь во все концы-то —
ширь, да — не благодать:
нету конца Коцита,
берега не видать.

И не тропы подталой,
и не черёд словам.
Кай — окаянный малый,
шедший по головам.

Где та сестра, награда
(отроду наречён),
выведшая из ада,
так и не став ни чем.

И, не сложивший слóва, —
сколько ни выкликай, —
из-подо льда былого
блудный вернётся Кай.

Весел и нераскаян,
голоден и удал:
— Здравствуй, отец мой Каин,
Авеля не видал?..

2009

Рождественское

Где зимний ветер навевает сны
о реках неземной голубизны, —
земля застыла, не истратив глины.
Но ангелы в привременном аду
летят и отражаются во льду.
А тот — отставший — смотрит на долины,

застыв на миг в небесном витраже.
И наши отражения уже
одно в другом сквозят неотделимо:
он — с трещинкой кровавой на губе,
играет солнце на его трубе
за долгий миг до гибели салима.

А это — я на новеньких коньках,
как будто пролетаю в облаках,
а подо мной — долиною молчащей,
минуя горы, равно — города,
в безмолвии неведомо куда —
бредут волхвы заснеженною чашей...

Неуловимый отблеск золотой
качается над вечной мерзлотой.
А я скольжу по чёрной глади пруда, —
живущая в надежде и нужде
с молением о хлебе и дожде, —
и жду чудес, и не вмещаю — Чуда.

2009

* * *

Проступает иное и время идёт стороной,
но любой — ненароком — его фотоснимком клеймён:
эти девочки-девушки-женщины, бывшие мной,
отбывают былое, уже не имея имён.

Не во времени дело, не в ушлой повадке его —
потихоньку начаться, а после втопить во всю пруть.
И не праздная память приврёт, разрывая родство
с незабвенными теми, кого бы и рада забыть.

Что одежда, что прошлая жизнь: поносил и — тесна.
Так змея выползает из кожи, из прожитых дней:
омертвевшая длинная кожа — уже не она,
монохромная хрупкая лента — уже не о ней.

2009

* * *

Проверенный фокус: «А может ли быть, —
как только его начинаешь любить,
вот тут-то и вся недолга́.
Он сядет в постели, натянет носки,
забудет значение слова «близки»
и двинет в бега — на луга.

А ты остаёшься не то и не сё:
посмотришь Кокто, считаешь Басё
и всё... И не мил белый свет.
И маешься — дурья седая башка, —
как будто до смерти четыре шажка.
В ответ — физкультурный привет!

И шлешь его лесом, и шлешь ему вслед...
Хранишь его тапки в шкафу, как скелет.
(Ан, — можешь! — любить подлеца.)
А что остаётся? Вот так и живёшь:
и сраму не имешь, и воду не пьёшь
с его ледяного лица...»

2009

* * *

Поскрипи, поворочайся, ляг на живот.
Чуть сморило и вот:
чу! — мышиный обход,
комариное соло над ухом плывёт,
кто-то певчий из сада зовёт.

И скрипичным концертом тревожат сверчки.
Со смычками в ладу
покачнутся в саду
георгинов испанские воротнички,
и стреляют люпинов стручки.

Отдохни от забот — подождёт урожай —
и на лунном полу —
полуночном балу —
стань на цыпочки, девочка, воображай —
закружи, заворачивай — не возражай! —
продолжай, продолжай, продолжай...

2009

* * *

Перетерпит, смолчит, обернётся и тем же воздаст...
Что бездумная вольница здесь, что тупая неволя,
где тяжёлые лоси ломают предутренний наст,
разоря гнилую скирду на окраине поля.

Помрачение мира, знамение — знамо, зима.
Как предвечная весть — мерзлота ледяного поморья.
Осмелевшие волки заходят в пустые дома,
оскверняя жильё, как ворьё, разоря подворья.

Умолкают язы́ки, дороги ведут в никуда...
Не сумеv сговориться, смолчатся варяги и греки.
В полынье недвижима полынная злая звезда,
и стоят подо льдами горчащие чёрные реки.

Край звериных следов, где никто никого не спасёт,
никому не привидится, в память безвестному веку,
будто кто золочёную чашу по небу несёт
и незримый другой невесомо ступает по снегу...

2009

* * *

От земли поднимутся холода,
незаметно с ночи повалит снег.
Ты увидишь небо из-подо льда,
ты проснёшься рыбою, человек.

Неусыпным оком гляди во тьму,
серебристым телом — плыви, плыви...
И не думай: «Это зачем Ему?» —
всё, что Он ни делает — от любви.

Не ропщи, что речь твоя отнята,
не по небу ходишь, не по земли.
Если рыбе дадена — немота, —
то самим дыханьем Его хвали.

2009

* * *

Кукареки-кукареки-курике,
в небе голуби, пескарики в реке.

Едут сани,
едут сами,
едут задом-наперёд.
Никто замуж не берёт.

Кукарекать-кукарекать-куковать.
У соседушки скрипучая кровать.

А синица —
ей не спится,
ей не спится, хоть убей —
сразу снится воробей.

Как пошла синица в гости к воробью...
А у Боженьки журавлики в раю.

В небе птицы —
голубицы,
а пескарики — в реке.
Всё у Боженьки в руке.

2009

* * *

Как Ева, — рвала и ела,
а после — жила, блажа.
Терпела и песни пела, —
да не было терпежа.

Отважилась, убежала.
Легла — во стогу игла.
И жалость не удержала,
и благость не сберегла.

Эх, яблочко, да куды кóтишься...

До срока не будет прока,
ахватишься — и стара.
Подруга моя морока,
проруха моя сестра.

Айда хороводить снова,
пока не приметил тать.
Да штрифеля наливного
по блюдечку покатать.

Эх, яблочко, да на тарелочке....

Какого ещё мне дива,
какого ещё рожна?
Строптивя и нерадива,
не девица, не жена.

Эх, яблочко наливное.
Да кóтишься мимо рта...
Отравленная виною,
изменщица, сирота.

2009

* * *

...И всё несло и билось, как пурга,
взметая простыни и одеяло, —
обволокло, объятия объяло,
и улеглось, и стихнуло пока.

...И длился сон, и в эти полчаса:
то скрип софы, продавленной до кочек,
то телефон — латунный колокольчик,
то в гулкой чашке — пьяная оса.

...И снился снег, уныла и бела,
земля лежала, и ломило тело.

А там — во сне чужом — весна гудела,
вода звенела и айва цвела...

2009

* * *

Выну красоту,
выйду — погоржусь:
и на то — сойду,
и на сё — сгожусь.

Не таюсь-боюсь,
погляжу окрест.
Ан не выдаст гусь, —
и свинья — не съест.

Покажу врагу —
эвон как могу!
А они — дурни —
попадут в рагу.

Вот и выйду я,
да во всей красе!
И во всей красе —
всё равно, как все.

2009

* * *

В чужие края без оглядки
по сказочным дебрям тайги
во все королевские пятки
беги, Белоснежка, беги!

Стара и обычна причина, —
хоть лучше бы наоборот:
берёт королеву кручина,
хвороба её — не берёт.

То сохнет от злобы бесплодной,
то пухнет, интриги плетя.
С такою змеёй подколодной
тебе ли тягаться, дитя.

И плод будет снова надкушен,
Господь приберёт Красоту.
Приснятся ей сладкие груши
и яблоки в райском саду.

2009

* * *

Тупая усталость, предсмертная дрожь, —
как будто по снежному полю идёшь.
Как старая Герда — любовь во плоти —
застыла, забылась и сбилась с пути.
И меркнет рассудок, и сумрак — вокруг,
и дремлет под снегом ненайденный друг.
Забвеньё, затишье, и дело — к утру,
сухие былинки звенят на ветру.
И слышно, как в норах — во мраке парном —
полёвки хрустят припасённым зерном.
И манит подземный мышинный уют.
Но белые волки призывно поют...
И кто-то по следу — из далей иных —
уже подъезжает в санях ледяных.

2008

* * *

Тихонько выживаю из ума,
себя по малодушию жалею.
О Господи, как тяжела зима,
и с каждою зимой — всё тяжелее.

Ворочаешься, маешься во тьме
бессонною предутреннею ранью —
в китовом чреве — плотяной тюрьме —
в холодном доме, пахнущем геранью,

претерпевая этот сносный ад,
где не жила — ждала, золою тлела,
и всё хотела выйти в белый сад
из тесноты, из ветхости, из тела...

Но пьёшь в ознобе молоко и мёд,
и шаришь свет в живучести упорной.
А тело завсегда своё возьмёт:
гуляй, корми, высиживай в уборной...

И вытащишь ладонь из-под щеки,
прошаркаешь в потёмках тапком рваным...
Но сладко пахнут спящие щенки
на старой телогрейке за диваном.

.....
.....

Не по трудам — по милости легко.
Оссанна, белокрылые, оссанна...
А в послевкусье — мёд и молоко.
И слово в подъязычье — несказанно...

2008

* * *

Стареть, и в зеркало смотреть,
и удивляться, что — живая.
Но с головой — седой на треть —
себя в себе не узнавая.

И больше делаться на мать
похожей взглядом и движеньем.
И не желая принимать
себя за этим отраженьем.

Глядеть из темноты в проём,
претерпеваясь понемножку.
И в этом теле — не своём —
жить, как в избе на курьих ножках.

2008

* * *

Пройдёт, пройдёт... И дни, как воду, пьём.
Но эта жизнь цепляется репъём
за самый саван, как во время оно.
И перстенёк, усилю вопреки,
с горбатой не снимается руки —
будь это перстень Соломона.

А смерть, она — по праву немоты —
со всеми одинаково на «ты».
А жизнь полна значек и засечек.
Собака лает, караван идёт,
и дерево миндальное цветёт,
и каперс прёт, и барствует кузнечик.

2008

* * *

Слушая эхо, иди от всех,
стискивая виски...
Но одиночество — тяжкий грех
гордости и тоски.

И до отцовских живи седин
с этой смурной судьбой...
Но даже в смерти ты не один,
сыне, — Господь с тобой.

Обезображен, покрыт грехом,
гол с головы до пят.
Сыне — лехаим! — в саду глухом
ангелы шелестят.

Вот-вот по мытарствам поведут,
аки гордец и тать...
Но даже грешнику раз дадут
Господа повидать.

Всякой ли твари в аду гореть,
корчиться на крови...
Но стоит и выжить, и умереть
ради Его любви.

Что ворвалась бы, сбивая с ног,
превозмогая слух.
Но в этой жизни ты — одинок,
аки и слеп, и глух.

2008

* * *

Паромов и мостов Харонов нрав,
дорог и рек неверная порука:
на переправах коротко совпав,
расстанутся, перечеркнув друг друга.

Иной удел — неочевидный круг:
бок о бок, неразлучные на зависть.
На расстояньи вытянутых рук —
не расставаясь, не соприкасаясь...

И сколько в этой жизни ни юли
с её геометрической морокой,
но только оторвавшись от земли,
две колеи сойдутся над дорогой.

2008

* * *

Оставишь ненадёжный дом,
в лесу слоняясь спозаранку,
убогим нищенским трудом
добудешь на отпúст зарядку-
синичку-пеночку-клеста
и — осторожная до дрожи, —
пугаясь каждого куста,
ты на ловца нарвёшься тоже:
предтеча птичьих похорон —
помещик, спятивший от лени, —
стрелок-миляга-враль-барон,
гоняя в ельнике оленя,
глядит, застав тебя врасплох,
как, переняв повадку птичью,
ты стриганёшь в чертополох
и станешь добычею — дичью
и, пережившая пальбу,
очнёшься, как в дурном романе:
с вишнёвой косточкой во лбу
и мёртвой ласточкой в кармане...

2008

* * *

О чём ещё не сказано? О чём?..
Верней — молчать да поводить плечом.
С какой отвагой, с горечью какою,
не предавая Евы естество,
всё ж уходить и разрывать родство
простое, бессловесное, плотское.

И непосильно сердцу и уму —
то Бог сказал: *и к мужу твоему...* —
ещё неотбытое наказание.
Как некое нежнейшее зверье...
То Бог велел: *...влечение твоё.*
Желание, сближение, касанье...

О чём ещё — о смысле, о душе? —
и не о чем, и незачем уже.
Но, избежав словесного мельчанья,
иное — невмещаемое! — «Ты»
рождается из рыбьей немоты,
из глубины отчаянья, молчанья.

Я сторожу... Я отхожу ко сну —
плотвица, заглотившая блесну,
царь-рыбица нездешнего улова.
Уже не сожалеея ни о ком,
неведомым ведома Рыбаком
на волоске, на тонкой леске слова.

2008

* * *

Не спится в доме полуночном за ветхой стеной,
где ходики ходят и мучит их звук жестяной.
В саду не шелохнется ветка, не хрустнет сучок.
Глаза призакроешь и тут: то заскрычит сверчок,
то в старом буфете впотьмах, нагуляв аппетит,
упорная шушера-мышь вермишелью хрустит,
то стукнется тихо о землю неспелый ранет.
И маятник чиркает воздух, а времени — нет.
А есть полотно на стене и сюжетец на нём:
дырявый котёл в очаге с неподвижным огнём.
Вглядишься, а там на холсте — ничего уже нет.
И только в прореху сквозит немерцающий свет.

2008

* * *

На даче — лепота: пионы и люпин
толкнутся у стола, заглядывая в чашки.
Теплынь, а ты с утра ворчишь, и ты — любим
до каждой клеточки на клетчатой рубашке.

Смородиновый чай, кузнечики у ног,
сомлел соседский кот на плиточной дорожке.
Ты отгоняешь прочь цветочный табунок,
встаёшь из-за стола, отряхивая крошки.

И всё ещё — оса над чашкой голубой;
и всё уже — как есть, и не в чем сомневаться.
И фотку бы в альбом: «Вот это — мы с тобой...»
Но это — я и ты — в свои невосемнадцать.

И надобно опять — в прозябшее жильё —
отважиться на жизнь с повадкой постояльца —
в болезни и нужду, в безлюбие твоё, —
чтоб не пускать корней и смерти не бояться.

2008

* * *

Летящий на полночь салима мольбам вопреки, —
меня не минуешь и встанешь у ночной реки.

Крылами плечи, выкликай и плечом поводи,
но камень тяжёлый лежит у меня на груди.

Оставь побережье, где раны смертельно свежи.
Войди в эти воды и сонные веки смежи.

И слушай, как манна обильная воду сечёт
и Лета над нами, как чёрное млеко, течёт.

И сладко мне будет во дрёме обнять пришлеца
и воду летеysкую пить с ледяного лица.

2008

* * *

...И мы уснём, лишённые тепла,
и поплывём по млечному распутью.
И в наши тонкостенные тела —
стеклянные, наполненные ртутью, —
войдёт неодолимый тонкий хлад
там, на последней — в никуда — границе,
где тьма густа, как чёрный мармелад
у Марианской впадины в глазнице...

2008

* * *

Воздух дрожащий, тени наискосок,
полдень морочит, хрустит на зубах песок...
Марью окутан и облачён в тоску, —
как по огню, ступающий по песку...
А у меня в голове всё кружится стрекоза,
и солнце слепит глаза.
А он-то — видом неявен в моём краю,
но я его по голосу узнаю.
И говорит повелитель стрекоз и мух,
сухими губами меня обращая в слух:
— Ну, что ты заладила: «милости» да «прости»? —
тебя уже не спасти.
И вижу за маревом — рот его крепко сжат,
но слышно, как тихо звенит песок и губы его шуршат.
И я говорю ему... говорю ему...
А что — и сама никак не пойму.
Но сколько гостя не вопрошай и рук к нему не тяни, —
холодно в чёрных его очах и жарко в его тени.
А он — то лукав, то ласков — неизъясним...
И вдруг понимаю, что я говорю не с ним.
А он научает меня словеса плести.
А я повторяю: «Милости, милости...»

2008

* * *

преступая стыд
попирая страх
[чай за явный ропот уже не мрут]
как орехи мацать в гнилых зубах
добывая ядрышко-изумруд
при честном народе
за «мать» и медь
колесом ходить
бубенцом греметь
а поймав сраму
сойти в затвор
от зубовой боли его тупой
где не тащит вор
где усыпан двор
золотой
молчания
скорлупой

2007

* * *

Ответшает, истлеет, истает в неявном ином,
как во времени оном, где заживо не задержаться.
Ничего не останется в завтрашнем, зримом, земном, —
ни рукой прикоснуться, ни боком в постели прижаться.

Растворяется твердь, утекая в воронку времён, —
перемелет и нас, перетрёт — горделивых и дерзких,
не оставив от нас ничего — ни стихов, ни имён:
этих блудных стихов, этих древних имён иудейских.

Душный воздух надышан другими, и кто их сочтёт, —
осыпаются фрески, стираются в памяти лица.
Ничего не останется здесь: это всё отцветёт...
Это каждой минутою в вечности запечатлится.

2007

* * *

О. И.

Как речная рыба по стуже мрёт, —
по любую сторону правоты
изгибайся, бейся об этот лёд,
умоляя: воздуха и воды...

Золотою сукровицей кропи
эти льды и воды угрюм-реки,
проходи насквозь, выживай, терпи,
раздирая жабры и плавники.

Чтобы после — в долгий июльский зной —
в наступившей неге и немоте
прикоснуться выстругленной спиной
ко ступне Идущего по воде.

2007

* * *

Жила, как ждала, не знала:
чудная, чумная что ль:
я хлеб со стола роняла
и я просыпала соль.

И стыл пересол к застолью,
и полдень стоял черно...
Я ветер кормила солью,
я сеяла, — как зерно.

Не теми мело вестями,
не манной с небес секло —
я ела её горстями,
зернистую, как стекло.

Я весть о тебе такую
ждала, как Благою весть.
Я так по тебе тоскую,
как будто ты вправду есть.

И жаждой своей недужной
я мучаюсь, как виной.
Как столп становлюсь — бездушной,
бессмысленной, соляной.

2007

* * *

С. К.

Я знаю эту хворь на грани невозврата,
когда с бельмастых глаз спадает пелена,
хотя ещё земли — не пять локтей на брата,
и воды — через край, и воздуха сполна,

и глохнет тишина от голосов утиных,
и пахнет первачом опавший прелый лист,
холодная роса висит на паутинах,
и яблочный послед скуласт и мускулист.

Тончает и сквозит всё зримое воочью,
но хочется ещё отодвинуть итог,
и рано засыпать, и просыпаться ночью,
и слушать между стен мышиный топоток,

до ветхости носить простые плоть и платье,
и Бога не гневить, и бровь не гнуть дугой.
Надломленный ломоть, ездок на самокате —
я всё ещё пылию, топчусь одной ногой.

2006

* * *

Я видела — в лугах его, далече, —
как, обгорев, но ран не замечая,
он бродит, пряча розовые плечи
среди густых метёлок иван-чая.

И я слыхала — смертная, мирская, —
как на чужом наречье незнакомом
он пел, тяжёлых век не размыкая,
кому не знаю: птицам, насекомым...

И мне казалось, будто в этом теле
ему легко среди травы и зноя...
И облака всё посолонь летели
кибиточками в Царство неземное.

Уже звала не Волга, но — Валгалла,
и отцветало пёстрое, простое...
И я жила, пока ещё мелькала
его спина в зелёном травостое.

2006

* * *

Что Герда — седому Каю —
остуды его года —
прощаю и выкликаю
глядящих из-подо льда.

Какое тут сердце сыто
свободой своей чумной?
Во льду нелюбви Коцита
теплее ли, чем со мной?..

2006

* * *

Через целую жизнь, — отгордившись грехами отцов
и наделав своих, — наконец принимаю сиротство.
Чёрно-белые карточки милых моих мертвецов
в неопрятном альбоме теряют портретное сходство.

Я вас помню не так... Я за вами иду по пятам.
Вы такие, как есть, — это мой коленкор изменился.
Призакроешь глаза — и как будто проснулся не там.
И как будто не жил, а кому-то навязчиво снился.

В подмосковье весна — захолустному снегу каюк,
мать-и-мачеха прёт, и на Пасху такая отрада!..
Улетевшие птицы, ну как там обещанный юг?
А у нас тут земля проседает, корёжа ограды.

За любой недогляд плотяное пуская на слом,
землеройствует жизнь... Но порою привидится снизу,
будто небо меня задевает своим подолом —
я тихонько лечу, ухватившись за синюю ризу.

2006

* * *

Сестра просила покрестить дитя
и освятить серебряную ложку...
И я живу — поденно, понемножку,
всё поводы для жизни обрета.

Какая хворь во мне, какой изъян,
какая язва, травма родовая? —
и вроде бы живу, не предавая
ни тех, кто есть, ни тех, кто мне не дан,

а всё одна меж женщин и мужчин.
Но научилась — так или иначе —
любить, уже не требуя отдачи,
и жить, не доискавшись до причин.

2006

* * *

Отпустишь калитку, горний покинешь сад,
и мнится: не то казарма, не то барак...
И бродишь, торя насквозь коммунальный ад,
тараша глаза в густой коридорный мрак,

касясь рукой замшелых чужих пальто,
плечом задевая лыжи, тазы, тряпье.
Как будто — один из многих, но как никто —
упорствуешь в Лете — в мутной воде её.

И вроде нашаришь двери (а вдруг не те?)
и медлишь полжизни: минуть или войти?
Но это твоё стояние в темноте —
торопит моё старение взаперти.

И ветхую дверь шатаем туда-сюда,
и пробуем крепь щеколды сторожевой.
А хочется задышаться — не от стыда.
И нужен — *один единственный*, но — живой.

2006

Немо

В поющей воде, зависая внизу,
застывшей соринкою в круглом глазу

ржавеющей рыбы плывёт не домой
мой сумрачный Немо, извечно немой.

И ластятся рыбы к стеклянным кругам,
к его золотым законным рукам

сплетённым... И тонкую ткань теребя,
он будто бы сам обнимает себя.

А ветхая вечность почти истекла...
Он смотрит, как рыбы, касаясь стекла,

зевают, а, может, зовут: догони!..
Но кажется Немо, что немые они.

2006

* * *

Когда от сквозняка пойдёт скрипеть
хоромина, казавшаяся храмом,
где ты оставлен с разным прочим хламом,
то остаётся — доживать и петь.

И я пою — о том родном втором —
в моей сквозной качающейся клети,
я всё ещё пою о вечном лете
лиловым горлом, сорванным нутром...

2006

* * *

Ещё никто не понял, что случилось,
и жизнь ещё похожа на бессмертье,
и Бог не обрезает пуповины,
и Ева всё рождает дочерей,

и дольний мир, как детская, ухожен,
ещё свежо, и долго до Голгофы,
на дудочке играет юный Каин,
Адам ещё наивен, как дитя...

И мир ещё не знает Александра,
но где-то в глубине земного ада
ему уже придумано название,
и ад уже зовёт его Великим.

2006

* * *

Вольнолюбивый, боли моей внемли...
Но каменисто тело моей земли:
как ни жалела — не приняла нигде.
Так на Итаке прах предают воде:
тлеющим телом, лодкою слюдяной
он уплывает, благословлённый мной,
в меркнувшей славе — силе его былой,
с горлом, пробитым бдительною стрелой.
То ли ласкает, то ли блажит вода —
лижет солёный мёд его живота,
блик на лице, запыстья его излом...
Всё помавая, как золотым веслом,
смуглой ладонью правит в предел иной
летом печали изгнанный Антиной.

2006

* * *

В претории нутра в режиме прятток
живу и препарирую порядок,
и разеваю рыбий свой роток.
И хорохорюсь, уродясь нехраброй,
и шевелю велюровою жаброй, —
прогибчива, как ивовый пруток.

А выдернут — и вот, гляди, какую! —
беспомощной, с разорванной щекою —
плотвицею на залести блесны,
на леске этой малости словесной —
лечу над безалаберною бездной,
парю над неопрятностью весны.

2006

* * *

В груди застучало так мелко,
как будто встряхнули ключи.
Утихни, дурацкая белка,
и лапами реже сучи.

Тупица, облезлая цаца,
уймись, ты такая, как все.
Крайняк, уже поздно метаться
в калёном своём колесе.

2006

Анксунамон

Помню, Анубис: солнце и сон песка;
как он лежал недвижим и обнажён...
Тело, Анубис: чрево, лицо, рука...
Только в печали сёстры — нежнее жён.

А зажились вдовою — не упрекай:
я собиралась долго — не как-нибудь.
Небо, Анубис, небо — моя река —
Белого Нила медленный млечный путь.

В сумрачной лодке я поплыву, легка,
к западу от Зеп Тепи — к концу времён.
Слышу, Анубис, слышу издалека
голос его, зовущий Анксунамон...

2006

Измиэр

1

Подземелье драконов, аид, нарощенье химер...
А над ним — горделивейший град — золотая громада:
зачумлѣнный мирской-воровской-колдовской Измиэр
покрывает ладонями крыш это логово ада.

Изогни, Измиэр, смоляную змеиную бровь,
околдуй, окольцуй, оседлай, запряги в колесницы
или чти, как богов, эту тѣмную древнюю кровь, —
не добудут бессмертья себе ни жрецы, ни блудницы.

Открывают глаза, населявшие мир испокон,
пробуждаются недра, и силится шум шелестящий...
Выползает на свет изумрудно-багровый дракон,
раскрывающий крылья, взлетающий — боги!.. — летящий.

2

...Он мечется во мне и пробует: не спеть ли, —
не ветер, но дракон — клыкастый, ледяной, —
над городом во мгле накручивая петли —
и всё-таки во мне, хотя и за стеной.

И бьётся изнутри — в ночи ему навстречу —
всей воле вопреки, не слыша ничего,
настойчиво стуча, пренебрегая речью, —
в оконное стекло — алмазное чело.

2006

* * *

Это после увидят созвездьем, запомнят победой,
а пока умастили главу, нанизали перстней
и оставили ждать на ветру дармовой Андромедой:
то ли выплывет зверь, то ли спустится с неба Персей.

А пока благодать: по-над пляжами бризы и блюзы.
И Гермес заболтает героя — оставит в строю.
Это там — в небесах — наши нерасторжимые узы.
А пока я одна с этой цепью на шее стою.

2005

Сестре Наташе

Окликаю, аукаю, смутно и явственно зная, —
ты не томная дева, ты — тёмная чаща лесная.

Поманишь, из-за пазухи бусы брусничные вынешь.
А пойдёшь по тебе напролом — заплутаешь и сгинешь.

А поляны твои — солнцепёк — не девичьи светёлки,
разговоры твои — перепалки твои — перепёлки...

Тонки руки твои, гибки ветви, влекомы полётом,
только ивы твои — над болотом плетут — над болотом —

волоса, голоса, отголоски, да ласкою тою
всё баюкают спящих под илистой тёмной водою.

2005

* * *

Этот лист не летит — оторвётся и падает оземь.
И уже тяжело эту ношу держать на весу.
Отлетает моя торопливая тёплая осень.
Я стою, как осина в опавшем осеннем лесу.

.....
.....

И не надо уже выживать и казаться хорошей,
и смотреть в темноту со смятением юродивых дев.
Хорошо в наготе терпеливо стоять под порошей,
к высоте января деревянные руки воздев.

2005

* * *

Придет украдкой, как в воровской притон.
Слово обманет, да обличит хитон.

И целованья ласковые даря,
но среди равных не распознав Царя,

всё веселиться ночью, а поутру,
не узнавая званых на том пиру,

как во хмелю, с ухмылочкой, не в чести,
не восвояси — по миру побрести.

Вечным презорством не прозирая зги,
изнемогая: Господи, помоги,

чтоб над Фавором — блики — не облака,
чтоб не ослепнуть, глянув издалека.

2005

* * *

Мне дашь ещё тридцать — к полудню, но скоро —
не дашь:
прошло, пролетело — тщета-суета-камарилья.
Последняя хитрость — слегка послунив карандаш,
оправить бровей отыгравшие ломкие крылья.

И жить терпеливо, и делать простые дела,
свой малый возок волочить из безлюдного леса.
И брать эти скорби, как лошадь берёт удила,
усвоив солёный устойчивый привкус железа.

И ждать утешенья под этой тяжёлой рукой, —
за слёзы по нашей тщете даже Бог не осудит —
где только тупое терпенье приносит покой, —
хотя бы немного покоя, раз счастья не будет.

2005

* * *

И в дольний мир ненадолго сходя,
как лестницами — струями дождя,
пройти в ушко тропю караванной.

И слушать, как упорствует трава,
и лебедей пускать из рукава,
и загоститься, будучи незваной.

А после, выкликая имена,
ещё не понимая, что — одна,
брести обратно — в край обетованный.

2005

* * *

Засяду за Псалтирь — замучает зевота
(всё к Богу не иду, хоть без него невмочь).
Как девочка в саду, аукаю кого-то
в душистым табаком прокуренную ночь.

И сколько ни зови, докличешься кого там... —
из детской позовут, напомнят о родстве.
И, кажется, пойдя да встань перед кивотом,
а хочется лежать в стрекочущей траве

и слушать голоса лягушечьи и птичьи,
и близиться к земле... и — Господи, прости —
мне кажется, что я живу в чужом обличьи,
а мне бы — по листу улиткою ползти.

2005

* * *

Где крона вековая высока,
я — как дитя, как девочка простая —
стою, к стволу спиною прирастая,
отряхивая стопы от песка.

Корявый ствол — изранен и дуплист —
из тел и лиц сплетается, пока я,
во тьму ветвей руками проникая,
из каждой пясти испуская лист,

всё поднимаюсь лестницею той —
ни девочка, ни взрослая — иная, —
расту — простоволосая, сквозная —
и дерево сплетаю с высотой.

2005

* * *

Всяко хищного хитрого зверя во мне излови,
облегчи не ручную поклажу — сердечную кладь.
Научи меня, Господи, той нетелесной любви:
не лицо дорогое — любить, не объятья — желать.

Зверь и впроголодь жив — не кормлю, не давала бы пить,
да сама угасаю — близнец не по крови родной.
Научи меня, Господи, так незлобиво любить,
чтобы алчущий зверь не метался по клетке грудной.

Научи меня, Господи, видеть очами любви
не своё отражение в муже — подобье Твоё,
чтоб не выло, не корчилось, изнемогая в крови,
то дитя, одичавшее с голоду, яко зверьё.

2005

* * *

Вот и жизнь подошла, всё сминая, корчужа, корёжа,
и уже не уснуть во девичьем хрустальном гробу.
Эта плоть отойдёт, как лягушечья дряблая кожа,
потому и живу, будто землю руками гребу.

Мне ещё полпути, я, наверно, ещё подожду всех, —
грянет конница тут, прынет там многокрылая рать.
Достоверно одно — яко мытаря ждут на воздусех.
А во облацех ждут ли? — и страшно уже умирать.

2005

* * *

И. О.

Вокзалы, кладбища, перроны, заставы, —
прощаешься и поминаешь.
Ты всё ещё сам провожаешь составы
и землю в горсти разминаешь.

Живя в этих проводах, ты уцелеешь —
равно поезда или дроги.
Чужого покойника в лоб поцелуешь
и скажешь: «Счастливой дороги».

И здесь друг от друга — по праву печали —
не так уже все далеко мы.
Ты знаешь — он не передёрнет плечами,
не скажет: «Мы разве знакомы?..»

2005

* * *

Весь век словами ворожи — тщета не тяжела.
Я столько лет жила во лжи, как будто не жила.
И беспокойна испокон, я каждый раз опять
свой перейдённый рубикон переходила вспять.

Я вброд брела, я шла по дну, по-прежнему — одна,
сквозь воду — словно западню — глядящая со дна.
А надо мною с высоты — знамением беды —
текли горящие мосты над толщею воды.

И были помыслы чисты, а всё-таки — лгала.
Я снова строила мосты и под собою жгла.
И воды видели меня сквозь огненную ржу.
И я глядела из огня. И до сих пор гляжу.

2005

* * *

Бесстрашный мир до дерзких десяти
с лишайной кошкой, мучимой под лавкой,
когда не больно говорить «прости»
и бабочку прокалывать булавкой.

Где фольговые золотца конфет
на пять мгновений делали «богачкой».
Где сразу было ясно — смерти нет,
и боль всегда становится — болячкой.

Где с каждой тварью Божьею на «ты»
(помимо взрослых — им родства не надо).
Когда боялась только темноты,
как юный Дант, ещё не знавший ада.

2005

* * *

А по снегу, слепя, золотистого следа слюда —
через поле... так что ж — принесёт и другого приبلуду.
Я тебя не спасу ни в какие твои холода —
не дойду, не найду, да и пробовать даже не буду.

Ты зимуй на Студёной, а я перезябну в избе,
ты иди на медведя и дальше... — какое мне дело
под какую ты елью сидишь и тепло ли тебе,
и в какой тебя саван под утро снегами одело.

Да хоть весь этот снег на холодной земле исследи,
как челюскинец, плавай на льдине! — кого ты волнуешь.
На Аляску, в Сибирь, хоть на Северный полюс иди.
Но на круглой земле ты меня всё равно не минуешь.

2005

* * *

А жизнь, как ни спасала — не спасла.
И в темноте — далёкий плеск весла
да огонёк — чуть движущийся — дальний.
А там — страданья вечная страда,
и эта жизнь, идущая — туда,
уже не принимает оправданий.

А тут покуда — проводы зимы,
да молодые, взмыленные — мы, —
теряя оперенье в круговерти,
ни с тем, ни с этим светом не в ладу,
пленённые, как лебеди во льду.
И нам ничто не предвещает смерти.

2005

* * *

С.

Я не помню — зачем-то просили плясать Саломею.
Вот и я доплясалась, и — непоправимо стара.
Я, наверно, останусь одна, потому что любить не умею,
только сытое сердце умею тревожить вожжою пера.

Я порой прихожу на веселье к чужому застолью.
Я умею — собакой, забавой, рабою — ложиться к ногам.
Я такое люблю, что любому покажется болью,
я такого желаю, чего не желают врагам.

И со мною не сладить — я сладкая, жаркая, злая.
Я тебя заморю, заморочу, оплачу, но выпью до дна.
Я живу ожиданьем, уже ничего не желая.
Я тебя пощажу, потому и останусь одна.

2005

* * *

Сколько ни славословь
пламя того куста, —
это ли — не любовь,
это ль — не красота?

Здесьняя, злая вся —
ангельским бьёт крылом,
на волосах вися,
словно Авессалом,

смутной своей тоской
смертному отслужив.
Но в красоте плотской
замысел Божий жив.

Чтобы Высокий Глас
не угасал в кусте,
плачу о смертных нас,
плачу — по красоте!

В мире дерев и трав,
вторящих небесам,
голову потеряв,
плачу по волосам.

2004

Причастие 24.VII.2004

Отцу Димитрию Шумову

Незрячая, безгласная, глухая,
израненная до смерти в миру...
Но ангелов невидимых вдыхая,
я чувствую, что больше не умру.

И значит, бег извечной круговерти
замедлится, и тем, кто слеп и глух —
таким, как я — уже не будет смерти,
но возвратятся зрение и слух.

Над пеленою блудного былого
всё ново: удивляйся и внемли!
И мир — одно Сияющее Слово,
как в первый день творения земли.

2004

* * *

Она коротала морозную ночь до утра
у зоркого зеркала, прежнюю прить вспоминая —
о том, как была молода, да вот стала стара,
и дом у неё ледяной — не изба лубяная,

где топят по-чёрному, въедливым дымом дыша,
и где по щелям догнивают смола и солома,
где греют еду и ладони, но зябнет душа,
и лисьего духа не любят, и лисьего дома.

А дом ненадёжный и светел над ней, и высок.
Весна далеко, и дождаться-то многим дано ли...
И лисий за стёклами заиндевелый висок,
и вполоборота в окошке лицо ледяное.

2004

* * *

...Но дерево, растущее во рту,
всей кроной распирающее нёбо,
внезапностью цветочного озноба
безлиственную скроет наготу.
...Но в подъязычном лежище корней,
где послевкусье молока и мёда,
изнеженная, гиблая природа
не женщины — не-вежества о ней —
не выстоит и впустит холода,
и выстудит до самой сердцевины...

И облетают кипенные крины.
И плоть от плоти — не даёт плода.

2004

* * *

Во снах отживая живое,
в юдоли, где думы небесны, —
не правы молчащие двое
по разные стороны бездны.

Не ради утраченной речи
давай попытаемся снова
податься друг другу навстречу
по шаткому мостику слова.

2004

Монастырский дворик

1

Стреляет день из солнечных баллист
над тишью монастырского придела.
Улитка мерит виноградный лист
прикосновеньем маленького тела.

В янтарной капле на её спине
таится свет для долгих летних странствий.
И, кажется, что раковины нет —
свернулось в неевклидовость пространство.

2

Медленные шаги, дальние голоса, —
через калитку в рай за городской собор
в душную гущу трав, заплонивших сад:
в готику ломких мальв, донник и водосбор.

Каменная скамья — пристань незримых игр,
где озирает твердь новый её Колумб,
думая, будто шмель — сытый бенгальский тигр,
скрывшийся от жары в джунглях цветущих клумб.

Сумеречный мирок — дворик монастыря,
где предзакатный зной плавит на камне медь.
Из лепестков тугих парусник мастера,
можно бы ничего более не иметь.

И, провожая день, медлить до полутьмы,
слыша, как вдалеке лодочник бьёт веслом.
Или в вечерний час, перелистав Псалмы,
думать, как был красив мальчик Авессалом.

2004

* * *

И, обнимая нас с головы до пят,
в лодке — а как в ладони — вода качала.
Если под нами вечность — что водопад,
значит, иной реки берега — начало.

Там — с высоты не слышно, но — птичий гам,
радуга брызг, в цвету голубой цикорий,
дуб, остролист и вереск по берегам
дольней реки, сходящей с Твоих предгорий.

Перед обрывом — в лодке ли, на плоту,
вплывь ли — не отвернуть и с пути не сбиться.
Только не дай опомниться на лету.
Только, когда опомнюсь, не дай забыться.

2004

* * *

А зима подойдёт — ощутишь холода поясницей:
изнутри забирает и студит и выдох, и вдох.
Выбирая ручных, зимовать остаёшься с синицей.
Да и кто ещё выживет, высвищет с этих-то крох.

А и сам, как синица, всё так же легко приручаем, —
и с ладони берёшь, а привычно бросают на снег.
Не ходи далеко — можно стариться, сидя за чаем,
созерцая зеро, в никуда замышляя побег.

2004

* * *

...И выстужен дом, только теплится в доме лампада.
Снега. Не пройти, не проехать — ни пешком, ни конным.
Изрытое оспой седое лицо снегопада
маячит и сводит с ума в полумраке оконном.

И две борозды на снегу, огибая ограду,
идут неотступно за следом, как будто за гробом...
Наверное, ангел усталости бродит по саду,
тяжёлые крылья свои волоча по сугробам.

2004

* * *

Все эти па полётные в метели,
нагие ноги, нижущие згу,
болезненность балета на снегу
и изуверство наледи на теле,

и всплески рук, и лёгкие прыжки...
И в забытьи, как девочка больная,
я всё живу, и всё ещё — не зная,
зачем танцую смерти вопреки.

И так, не пробуждаясь ото сна,
кружу в зиме и умираю в ней же.
Изнеможенье нежити нежнейшей.
Немая кода. Занавес. Весна.

2004

Вирсавия

Пощади Вирсавию, пощади, —
и старела — преданная, — любя.
А в твоём доме на твоей груди —
Ависага, греющая тебя.

Не украсит стана цветной виссон,
не сокроет лет золотая нить.
Ависага твой охраняет сон.
А меня-то — некому охранить.

Не ломаю руки, не плачу — в крик,
а бессонно мучаюсь до утра.
И не верят очи, что ты — старик,
и самой не верится, что стара.

2004

* * *

Бедствуя в будке, долго ль приноровить
тело к цепи, и цепь по земле возя,
можно ходить по струнке, почти не выть,
но заслужить — увы — ничего нельзя.

Благо хозяин добрый, пока не пьёт
(псине всё радость — был бы хотя живой):
кормит почти исправно, нечасто бьёт, —
много ли надо дуре сторожевой.

А пришибёт бывало — так не слабак.
Тут бы в бега, да праздновать свой побег!
Но испокон не цепи держат собак.
Холодно в будке, и падает с неба снег.

2004

* * *

Былое полнолуние лица
напоминают мне глаза ли, губы ль.
Увы, лицо, идущее на убыль, —
как старый зверь, бредущий на ловца,

уже прощённый за тщету надменя,
за темноту грядущего затмения.

2004

* * *

Пока ещё нетленна красота,
и ты красив с морщинами у рта,
пока душа в отдушине покоя,
не понимаю — что же ты такое.

Но на правах непростенной жены,
пока ещё мосты не сожжены,
прошу: последней милостью простою
останься хоть бы этой красотой.

2004

* * *

Так явственно, что не о чем гадать,
небесное вторгается в земное.
Меня пугает слово «благодать» —
в нём что-то незаслуженное мною.

Я быть хочу женой, а не сестрой —
не торопись, небесная награда!..
Но по-земному страшно, что порой
мне, кроме Бога, ничего не надо.

2003

Край дождевой

1

О. Т.

Приди, пропади — мой край не хранит следа.
И здесь хорошо лежать, растворясь в земле.
На теле моём в ложбинах стоит вода.
И мёртвая птица, как в лодке, в своём крыле.

А лес по колено стоит в дождевой воде,
и мокрые лисы пробуют вязкий брод.
Усталые лисы лают, и быть беде —
им не перейти мой край дождевых болот.

.....
.....

И я просыпалась в шелесте — дождь всё лил.
И всадники краем леса вели коней...
Со стонами в гиблую глубь опускался ил.
В лосиные кости вплетались руки корней.

О край дождевой, размой под ногами гать
и стеблями спутай, и путника награди
усталостью, чтобы сладко ему лежать
в тяжёлой воде с морошкой на груди.

И покидаю пусть край дождевой, лесной, —
мой караванный путь — в твой предзакатный зной,
где выедает соль вечную ночь зрачка.
Долгий верблюжий сон, жажда солончака...

Павшие повода, жизнь — глубина глотка.
И не свежа вода — затхлость её сладка.
Ссохнет рот, садня, выслепятся глаза —
чёрные солнца дня, карие небеса.

Не исцелить слепца преданностью моей,
не окунув лица в мертвейшее из морей.

2003–2004

* * *

Полночное ничто вот-вот начнётся,
и маятник сознания качнётся,
и буквы передёрнутся в строке.
И кто-то там, — танцующий с тарелкой
на тонкой и негнущейся руке,
похожий на часы с секундной стрелкой, —
из темноты метнётся в темноту,
поймав свою тарелку на лету.
Стреляю влёт...
Мишень, слетающая на стрелка,
как бабочка, обычна и легка.
Но маятник с походкой Командора
мешает мрак в стакане коридора.
И тёмным коридором на парад
выходят страхи. Их — увы! — довольно
в моём доме, в котором, как в давяльне,
тяжёлых мыслей мнётся виноград.
...И бабочка слетает на стрелка...
И эта полночь длится, длится, длится...
Строка дрожит, упорствует рука,
и разум дремлет, и душа боится.

2003

* * *

*«О, девочка моя неродная
с пометой смерти на запястьи...»*

Татьяна Бек

Одетою одета, вечной дичью,
я стану с ней смятием единым,
и пальцы сложатся головкой птичьей,
запястье станет горлом лебединым.

И тело неповинно в том, что голо,
я знаю эту плоть почти повенно.
О, как же это резаное горло
несказочно, обычно, откровенно.

И белизна, кровящая с изнанки,
ни имени не носит, ни названья.
Но ты поймёшь, что вырезаны знаки
для узнаванья.

2003

* * *

О, ближние и дальние, что спят
с морокой — прокормиться и одеться,
мир скорбен оттого, что Бог распят, —
и мне от мира никуда не деться.

Просить, прибрав седеющую прядь:
под ношей и под старостью не сгорби.
И верить в Бога, и — не доверять,
свои приумножая скорби.

Болезнь от невозможности отдать,
от выбора иного тех немногих,
и узнавать больную благодать,
сходящую, порой, на одиноких.

.....
.....

И всё же суету в себя впускать,
как женщине отведено от века.
И снова утешения искать
не так, не там — всё здесь, у человека.

2003

* * *

Ева в заброшенном бродит раю.
В Еве, как в яви себя узнаю.

Всё, что имею, за встречу отдам,
Но не приходят — ни Бог, ни Адам.

2003

* * *

И чтобы му́ку на листе
в муку́ перемолоть,
живу, как дева — в чистоте,
превозмогая плоть.

И чем иные дорожат —
не ценно наяву.
Так яблоки в снегу лежат,
как я теперь живу.

Живу без пользы и слезы,
нужнейшему — чужа,
живу, как клетка из лозы,
держущая чижа,

без соприкосновенья тел,
без боли — наповал,
как будто ангел пролетел
и в лоб поцеловал.

2003

* * *

1

...И ран не доверять покровам,
и расшибаться всё больней,
чтоб, наконец, зацвёл багровым
мой сокровенный сад камней.

И в этой чаще одичавшей,
где каждый листик — кровосток,
неупиваемую чашей —
редчайший каменный цветок.

2

...И где луга пролегли встарь,
леса стояли — простёрся лёд.
Что было мёд, то теперь — янтарь, —
столетний окаменелый мёд.

Лишь снег летящий, слепящий свет
и блики золота — налету.
И только чей-то случайный след
впечатан в вечную мерзлоту.

2003

* * *

Вьюжило, било, вертело
так, что не видела рук.
Небо на землю летело,
небо кружило вокруг.

И в этой мути молочной
плыл, окликающий нас,
тонкого хлада немолчный
незаглушаемый *глас*.

Ранясь осколками льдинок,
я всё брела за тобой,
чувствуя через ботинок
небо под зябкой стопой.

2003

* * *

Ольге Ивановой

В рождественскую ночь тишайший Ангел
слетает в нашу детскую обитель
и по щеке меня ладонью гладит.
И тает иней под его ладонью,
едва-едва окрасившись кармином.
И хочется мне думать — я послушней,
чем та моя сестра, что пред камином
играет, превращаясь в саламандру.

2003

Стихи Илье

1

Мы — в замысле — сошли не рѳзными — родными
на терние земли из Божьего жилья,
и памятью тому — моё земное имя,
созвучно твоему: Елена — Илия.

Услышь меня, услышь, хоть я шепчу иначе,
чем Ева в райский день, обутая в росу.
Под шелестом ветвей, в неразличимом плаче,
не яблоко тебе — спасение несу.

С усладой на словах и с немощью — на деле,
не плотскости ищущу, а помощи — душе.
Мне ноша тяжела, давай её разделим, —
родные — в небесах, не чуждые — уже...

2

*Как его ни зови, силой ни увлекай,
в слове, а не в любви вечность увидел Кай.*

Чтоб не воскреснуть врозь, веруя, что могу,
я прорываюсь сквозь призрачную пургу.
Превозмогая хлад, в этом кромешном льду
в твой одинокий ад из своего бреду.

«Рвения моего, веры не умали, —
так и молю Его: Бог, Элоим, Или́».
В эту шагаю глушь ради любви земной.
Только — зову — услышь! Только — прошу — узнай!

Помня родство имен, не откажись, не брось,
чтобы к концу времен нам не воскреснуть врозь.

3

Это имя — льняное, болезненное, как стебли быльи,
в тонкостенном стекле остыванье живого литья,
в черноте полыни февраля ледяная ладья,
это — несовместимая масть — или ты, или я.

Это имя люблю за его и твою красоту,
это имя — солёное, словно осколки во рту.

4

Я чувствую, что больше не могу
жить на бумаге — мне привычней в теле.
А ты мне снишься в мартовском снегу,
лежащий навзничь в настовой постели.

Глуша тахикардический галоп,
уж столько раз во снах — напропалую —
я целовала твой высокий лоб,
что знаю вкус такого поцелуя.

На перекрёстке скрытых снегом троп —
прошу! — проснись. Но сколько ни проси я,
вся эта жизнь твоя — хрустальный гроб,
бескровная война, анестезия.

А нас так мало между всех — иных,
нас — изначально — двое, может статься,
таких кровавых, нежных и больных,
которым невозможно не срастаться.

5

*Из боли выведи, избавь — для понемногу...
Но это — разная любовь: к тебе и Богу.*

Не колесница — колея — прочь от порога.
Литое имя — Илия, как у пророка.
Но бремя бренное легко — когда без фальши.
Мне до тебя не далеко — до Бога дальше.

А мы близки — листва и ствол, но выйдет боком
мне это разное родство с тобой и Богом.
Ступая медленной стопой, ещё не зная,
что этой кровности с тобой цена иная, —

на плаху шла, где туп топор, мостки дощаты.
Просила силы, а теперь прошу пощады.
И эта слёзная стезя — к тому порогу.
А не любить тебя нельзя, и слава Богу.

6

Так явственно нездешнее родство,
что большего искать — не стоит братья.
Кто даст ещё тебе такое братство
и, не страшась, уступит старшинство.

Но это братство нежностью губя,
тебе дарую кроткую строку я, —
минуя бренность, избранность такую,
что обессмертит смертного тебя.

Усилье слов оставило листу
 на диалог наложенное вето.
 Люблю тебя — как Бога — в пустоту,
 не получая явного ответа.

И до тебя в безмолвии жила,
 лишь на листе следила слов мельчанье.
 Но чувствую, как стала тяжела
 та тишина, которая — молчанье.

Меня уже ничем не обмануть —
 я принимаю жизни дар кромешный.
 Не отвечай, но, умоляю, будь —
 как Бог, молчащий надо мною грешной.

Какая боль в непрошеной любви —
 терпение, преодоление ада...
 С такой ни жить, ни умереть — увы...
 А, если б жить, так умирать не надо.

.....

Какого мёда, вереска, вина
 ещё желать, какого первоцвета?
 Ещё какого ражева, рожна,
 родства какого, большего, чем это?..

.....

Как тяжело преодолеть себя,
и просто жить — поденно, по привычке,
пересыпая семечки и спички,
не маясь, о небывшем не скорбя.

9

Падёшь и не поднимешься с лопаток,
узнаешь, выживающий едва,
как рвутся узы кровного родства.
А хлеб гордыни — скуден и несладок.
Тебе уже не будет всё равно,
когда Медея увезёт руно
и обречёт Колхиду на упадок.

10

И всё же быть, отверженность терпя, —
немая, нетелесная наука —
слепое узнавание тебя:
глоток тебя, и дальше только мука.

Твой *неприход* в моё — уже — *нигде*,
один глоток из темноты горчайшей...
Ночное отражение в воде.
Я пью себя. Но жажды нет над чашей.

11

Тупое упорство природы — вот всё, что смогли, —
слепые стихии, враги, а могли бы — богами.
Над сонной пустыней моей каменистой земли
твоё соколиное солнце восходит кругами.

Пали эту землю — не жалко! — ей поздно рожать:
солёные пыльные степи, бесплодная Геба.
И мреющий воздух от клёкота будет дрожать,
и дрогнет сухая равнина, держащая небо.

.....
.....

И горькие травы поднимутся, как оберег,
над стылою лавой, над заново слепленной глиной.
И ринется время набухшими руслами рек,
и эхом прокатится клёкот вдали соколиный.

12

Скучная женщина молится по утрам,
а вечерами смотрит, как на скаку
лунная лошадь берёт барьеры оконных рам.
Ляжет в постель — проснётся с утра в снегу.

Губы срослись и слова превратили в стон —
сделалась так неясна её мольба.

Скучная женщина видит всё тот же сон —
чёрную птицу в палевом небе лба:

перед рассветом привидится ей подчас
в зыбком лице крылатый излом бровей.
Скучная женщина улыбается каждый раз,
лёжа в снегу, а думая, что в траве.

13

Где-то там высоко ввечеру протрубили «отбой».
Я заметила, стал тяжелее мой крестик нательный.
Я болею смертельно, но, знаешь, уже не тобой —
ни ревниво, ни жадно, ни страстно, а просто смертельно.

А душа отчего-то щедра, точно старая мать, —
причастившись даров, для тебя неустанно просимых.
Я, наверно, умею уже это всё принимать.
Я люблюсь на вас — молодых и беспечно красивых.

Я прощаюсь бесслёзно, но несколько слов о любви:
это всё хорошо, что она веселей и моложе.
Эту девочку хрупкую, Господи, благослови.
Я молилась не зря, и Ты дал ему ангела, Боже.

14

В золотое небо твоё отлетает мольбы зола.
Отпускаю в небытиё, из которого призвала.
Только льдинки словес граня, тенью блекну на белизне.
И не холодно без огня опалённой опальной мне.

2003–2006

Стихи Ольге

Ольге Ивановой

1

Тайна твоя — в имени.
Верую *presto*, страстно!
Вымани, вымани, вымани
Ангела из подпространства.

Нежное тяжело щадить.
Рваться, хрипеть надсаднее!..
Рот разорвать лошади —
проще, чем быть всадником.

Конкистадором — в Шангри-Ла.
С верой — поверх зрения.
Вымани, вымани Ангела
в здешнее измерение.

2

Давай и ты — опробуй в свой черёд
на прочность мир и вырвись из-за строчек.
Сорви цветок, и чудище умрёт, —
такая малость — аленький цветочек.

О чём жалеть, — когда мы все умрём,
и жизнь груба, и мы — простые люди.

Всего лишь раз станцуй перед царём,
и голову внесут тебе на блюде.

И, знать, была права Иродиада —
любовь земна, и неба ей не надо.

2002–2003

Волчий цикл

1

Я встретила волка за садом, где старые груши,
как лоси, неспешно спускаются шагом с пригорка.
Я долго стояла в снегу, тишины не нарушив,
еще не поняв, отчего в подъязычье так горько.

Я встретила волка внезапно, немного не веря,
что так происходит, что так не случилось ни разу.
Со страхом домашней собаки, увидевшей зверя,
смотрела в глаза-хризолиты, глаза-хризопразы.

А в доме болтали о волке: был волк или не был.
Соседка смеялась: вот так, мол, гулять в самоволке.
И капало с окон и с белого блеклого неба.
Я дома сидела и думала только о волке.

Февральская оттепель кончилась долгим ненастьем.
Ночами выл ветер, и сны проникали под веки.
Лосиное стадо деревьев ступало по насту,
тяжёлых рогов поднимая стопалые ветки.

И тихо шуршала по ставням крупа ледяная,
и тонкая наледь крошилась, когда по осколкам
тайком от домашних я в сад пробиралась, не зная,
зачем я встречаюсь с косматым седеющим волком.

Когда умирала от голода — пришла и ела
с твоей ладони, не брезгуя, что прогоркло.
Теперь привыкла. И не отторгает тело
тяжёлых пальцев твоих, лежащих мне на горло.

И можно быть волчицей, в норе рождённой,
учившейся рвать плоть и пить из чужой ключицы,
и оставаться привязанной, пригвождённой —
цепной собакой, убившей в себе волчицу.

И рваться с привязи, алчною волчьей пастью
тянуться к рукам твоим и смотреть в глубинú глаз.
А после лизать твои пальцы, твои запястья,
виляя хвостом от радости, что дотянулась.

Волчий свой хлеб режешь на серебре —
зубовный след на моей кости,
зарубка на тонком моём ребре —
из пасти — не отпусти.

Слушай дыханье моё с захлёбом,
ты, для которого кровь не внове —
буду тебе мясом, и всё же — хлебом,
буду твоим похмельем от этой крови.

2003

Музыка

Стихнет, и зал прильнёт
к логову ста зверей.
Как ожиданье нот —
мысленная свирель.

Музыки возле век
мукою поражён,
крестно подбросит звук
маленький дирижёр.

Света сойдутся льды
глыбою голубой.
С силой плеснут альты
и прогудит гобой.

В быстром движеньи рук
брызнет цветком кулак,
пальцев взметнётся вдруг
белый архипелаг.

Словно лизнёт лады
ласковый зверь ничей —
вноется до беды
в душу виолончель.

И разбудив гортань,
прянув, стихи замрут —

будто бы изо рта
просится изумруд.

Просто — закрыв глаза,
логике вопреки —
вымани зверя в зал,
чтоб показал клыки.

2002

Гейша

Очнуться кем-нибудь — не важно —
проходим, что глядит устало,
как гейша с веером бумажным
идёт к портовому кварталу.

Она качнется веткой тонкой,
и мне — из европейской дали —
брести за маленькой японкой
и слышать стук её сандалий.

Придумать имя ей — Тацуйя —
за взгляд опасливый и дикий,
и думать, как она танцует,
как пахнет пряностью гвоздики.

И на циновочной постели
всё целовать её и гладить...
Какая хрупкость в этом теле,
какая странность в этом взгляде.

Запомнить длинную заколку
и колокольчик на браслете...
И снова где-то ненадолго
очнуться не в своём столетье.

2002

Листья

(старинный романс)

Листья прохладны, листья нежны —
листья, как руки у юной княжны:

полупрозрачные бледные кисти,
руки легки, как летящие листья.

Пальцы на клавишах в бегстве проворном,
быстрые пальцы на белом и чёрном —

пальцы как будто не связаны с телом —
тонкие пальцы на чёрном и белом.

Листья врываются в окна из сада,
бьётся за окнами ночь листопада,

пальцы летят, обгоняя мгновенья —
пальцы, влюблённые в прикосновенья.

Но почему же так быстро устали
руки, лежащие на одеяле...

Звук перевернутой нотной страницы
шелестом листьев в ночи разлетится,

тихо откликнется эхом несмелым
чёрный рояль, занавешенный белым.

Только осенние ночи всё помнят
вальс в вереницах пустующих комнат.

Осень уходит в предутренней мгле.
Белые листья на чёрной земле...

2000

Джульетта

Опять все сбудется в ночи
велеьем древнего закона.
Джульетта, девочка, молчи,
не отвечай ему с балкона.

Пусть он внизу стоит один,
из темноты на окна глядя,
и осыпается жасмин
в его каштановые пряди.

Он там, где тонкий лунный свет
едва пронизывает кроны.
И ничего волшебней нет,
чем тишина ночной Вероны.

Не надо верить чудесам,
из нежных слов сплетая речи.
Не слушай, он не знает сам,
чем обернутся эти встречи.

Опять бежит ночная мгла
невольным холодком по коже.
Но я б не слушать не смогла,
и ты, наверное, не сможешь.

Вновь ожиданьем тайных встреч
сердца отчаянные бьются,

и невозможно уберечь
того, кто хочет обмануться.

Я знаю, прочитав из книг,
что все влюбленные крылаты.
Им кажется в последний миг,
что можно избежать расплаты.

А я живу легко и мудро.
Но, то ли в прошлом, то ли в снах:
час тишины. Верона. Утро...
И горечь яда на губах.

2000

Как родилась на свете грусть

(из неслучившейся детской книжки)

Из темноты сквозь звёздный хлам
летела ведьма по делам.
Сквозь млечный путь — для добрых дел —
навстречу ангел ей летел.
Свои у каждого дела:
кому — крыло, кому — метла.
Но так уж подгадала высь,
что их пути пересеклись.
Соединяя тьму и свет,
по небу плыл парад планет,
звонили звёзд колокола...
И в том нечаянном была
великая загадка —
они, слегка меняя путь,
стремясь друг друга оттолкнуть,
соприкоснулись кратко.
И разлетелись — кто-куда.
А в небе вспыхнула звезда
для этих двух скитальцев.
Пусть этой сказке не бывать,
но как же трудно разорвать
переплетенье пальцев.

Они расстались... Ну, и пусть.
Так родилась на свете грусть.

2000

Три колыбельные

1

Когда глаза слипаются
и хочется в кровать,
все ангелы слетаются
меня поцеловать.

Целуют в губы томные
и в волосы, и в нос,
чтоб в эти ночи тёмные
мне хорошо спалось.

Но в поздний час таинственный
я замираю, чтоб
слетел *один единственный*,
что поцелует в лоб.

2

Баю, баю, — напеваю — о-лей-ли,
для кого то птицы гнёздышко сплели?

Сладкий ветер полуночный, тише вей, —
кто-то зыбочку подвесил меж ветвей?

Только в гнёздышке ютится не птенец —
спит сыночек, спит мой ясный первенец.

Баю, баю, это феи, о-лей-ли! —
Разлучили — в лес малютку унесли.

Всё играть да веселиться будут с ним.
Станет мальчик мой царевичем лесным.

О-лей-ли, лей-ли, баюкаю-пою —
вспоминай, сыночек, матушку свою...

Собирают феи травы-лепестки,
мастерят тебе кафтан и башмаки,

пошивают, напевая и шепча,
крылья тонкие из лунного луча.

Будет впору и к лицу тебе шитьё, —
беззаботное, привольное житьё.

Тёмный лес шумит, качается вдали.
Спи, сыночек, баю, баю, о-лей-ли!..

3

Колыбельная для королевы

Спит тихонько королева,
её имя так напевно —
это имя, как вещица из жемчужин и колец.
Спит сейчас Элеонора,
и её, наверно, скоро
увезёт прекрасный рыцарь в белокаменный
дворец.

Нежной девочке — двенадцать,
ей пока ещё не снятся
сны о том, как может сбыться это чудо из чудес.

И она ещё покуда
верит в сказочное чудо.
В снах её снуют повсюду сонмы принцев и принцесс.

Смяты длинные ресницы.
Ей когда-нибудь приснится,
как таинственно волнует приближение весны.
Ангел мой, Элеонора,
для тебя моря и горы,
в небе — звёздные просторы, для тебя — любые сны.

2000–2004–1998

Содержание

<i>Сны Евы</i> . Светлана Кекова	6
«Где-то воды стоят покойны, движенья чая...»	7
«Неужели, Господи, так и сгинем...»	8
«Кто в доме лубяном? Насельник, отвори...»	9
«...И найденное — не было искомым...»	10
«Забери, забери, забери...»	11
«Родной канзас от щебета оглох...»	12
«Хорошо бы жить, ничего не зная...»	13
«Ой, дела мои, дела...»	14
«Поговори со мной, стоящий за спиною...»	15
«В терпении жизни подённой...»	16
* * *	17
1. «Небо сине, солнце жёлто, зелена под ним трава...»	17
2. «Вот получишь ремня и реви в темноте, голоси...»	17
3. «В детских поисках жизни привольной...»	18
4. «Это только кажется, что просто...»	18
5. «Спросонья прислушайся, смяв под рукой образок...»	19
6. «Смолчит стяжавший благодать...»	19
«Дремала, книжечку листала...»	21
«Когда умру и сделаюсь звездой...»	22
«Сны мои раз от раза всё безнадежней...»	23
«Перенимая птичью худобу...»	24

Любить Париса	25
1. «С тугой осанкой кипариса...»	25
2. «День пройдёт — никакого с него спроса...»	26
3. «Сплошное сияние! — якобы свято...»	26
4. «Потаённое, здешнее — вот оно, вот оно, вот...»	27
5. «Там на реке, плескаясь и хохоча...»	27
6. «Полдень стоит в Эдеме, сладкое бродит брашно...»	28
7. «и не на что пенять...»	28
«Сломанными флажками сверху сигналит птица...»	30
«Медведицей, утицей — всем, чем кажусь...»	31
* * *	32
1. «Упрямо бредущим с росой на висках...»	32
2. «...И было объятье девятого вала...»	33
3. «Лбом припадая ко тверди воды...»	33
«Как балерина в комнате пустой...»	34
«И вроде бы лёта короче, а зимы лютей...»	35
Желанием жива	35
1. «ещё одна зима...»	36
2. «ни тропы ни улицы не найти...»	37
«В той тишине, где яблони обветшали...»	38
«Стоит морозный март, не стояли низины...»	39
«Здесь нет чужих и равно нет своих...»	40
«Переплетенье веточек и вен...»	41
«Золотая лодка лежит на илистом дне...»	42
«Говорила мне синица...»	43
«В бессилии слова, в молчании немоты...»	44
«Под окном — снежок...»	45
«Осень с мешком наливных на горбу...»	46
«Ни ходко — ни валко...»	47
«Мне говорили: «Всё без толку...»	48
«Дерево-дерево — ствол трубой...»	49

Значения имён	50
1. «Ещё не пепел — пух летает в куцах...»	50
2. «В начале лета изгнанный Адам...»	50
3. «На задворках великого мира — окраине света...»	52
«Щебет в потёмках памяти — птичий прах...»	53
Читая «Город Ленинград»	54
«Сон ли его нарушу...»	55
Рождественское	56
«Проступает иное и время идёт стороной...»	57
«Проверенный фокус: «А может ли быть...»	58
«Поскрипи, поворочайся, ляг на живот...»	59
«Перетерпит, смолчит, обернётся и тем же воздаст...»	60
«От земли поднимутся холода...»	61
«Кукареки-кукареки-курике...»	62
«Как Ева, — рвала и ела...»	63
«...И всё неслошь и билось, как пурга...»	65
«Выну красоту...»	66
«В чужие края без оглядки...»	67
«Тупая усталость, предсмертная дрожь...»	68
«Тихонько выживаю из ума...»	69
«Стареть, и в зеркало смотреть...»	71
«Пройдёт, пройдёт... И дни, как воду, пьём...»	72
«Слушая эхо, иди от всех...»	73
«Паромов и мостов Харонов нрав...»	74
«Оставишь ненадёжный дом...»	75
«О чём ещё не сказано? О чём?...»	76
«Не спится в доме полуночном за ветхой стеной...»	77
«На даче — лепота: пионы и люпин...»	78
«Летающий на полночь салима мольбам вопреки...»	79
«...И мы уснём, лишённые тепла...»	80
«Воздух дрожащий, тени наискосок...»	81

«преступая стыд...»	82
«Ответшает, истлеет, истает в неявном ином...»	83
«Как речная рыба по стуже мрёт...»	84
«Жила, как ждала, не знала...»	85
«Я знаю эту хворь на грани невозврата...»	86
«Я видела — в лугах его, далече...»	87
«Что Герда — седому Каю...»	88
«Через целую жизнь, — отгордившись грехами отцов...»	89
«Сестра просила покрестить дитя...»	90
«Отпустишь калитку, горний покинешь сад...»	91
Немо	92
«Когда от сквозняка пойдёт скрипеть...»	93
«Ещё никто не понял, что случилось...»	94
«Вольнолюбивый, боли моей внемли...»	95
«В претории нутра в режиме прятков...»	96
«В груди застучало так мелко...»	97
Анксунамон	98
Измиэр	99
1. «Подземелье драконов, аид, нарощенье химер...»	99
2. «...Он мечется во мне и пробует: не спеть ли...»	99
«Это после увидят созвездьем, запомнят победой...»	101
«Слепо плывущей на рокот обрыва...»	102
Сестре Наташе	103
«Этот лист не летит — оторвётся и падает оземь...»	104
«Придет украдкой, как в воровской притон...»	105
«Мне дашь ещё тридцать — к полудню, но скоро — не дашь...»	106
«И в дольний мир ненадолго сходя...»	107
«Засяду за Псалтирь — замучает зевота...»	108
«Где крона вековая высока...»	109
«Всяко хищного хитрого зверя во мне излови...»	110

«Вот и жизнь подошла, всё сминая, корчуя, корёжа...»	111
«Вокзалы, кладбища, перроны, заставы...»	112
«Весь век словами ворожи — тщета не тяжела...»	113
«Бесстрашный мир до дерзких десяти...»	114
«А по снегу, слепя, золотистого следа слюда...»	115
«А жизнь, как ни спасала — не спасла...»	116
«Я не помню — зачем-то просили плясать Саломею...»	117
«Сколько ни славословь...»	118
Причастие 24.VII.2004	119
«Она коротала морозную ночь до утра...»	120
«...Но дерево, растущее во рту...»	121
«Во снах отживая живое...»	122
Монастырский дворик	123
1. «Стреляет день из солнечных баллист...»	123
2. «Медленные шаги, дальние голоса...»	123
«И, обнимая нас с головы до пят...»	125
«А зима подойдёт — ощутишь холода поясницей...»	126
«...И выстужен дом, только теплится в доме лампада...»	127
«Все эти па полётные в метели...»	128
Вирсавия	129
«Бедствуя в будке, долго ль приноровить...»	130
«Былое полнолуние лица...»	131
«Пока ещё нетленна красота...»	132
«Так явственно, что не о чем гадать...»	133
Край дождевой	134
1. «Приди, пропади — мой край не хранит следа...»	134
2. «И покидаю пусть край дождевой, лесной...»	135
«Полночное ничто вот-вот начнётся...»	136
«Одетою одета, вечной дичью...»	137
«О, ближние и дальние, что спят...»	138
«Ева в заброшенном бродит раю...»	139

«И чтобы му́ку на листе...»	140
* * *	141
1. «...И ран не доверять покровам...»	141
2. «...И где луга пролегали встарь...»	141
«Вьюжило, било, вертело...»	142
«В рождественскую ночь тишайший Ангел...»	143
Стихи Илье	144
1. «Мы — в замысле — сошли не рѳзными — родными...»	144
2. «Чтоб не воскреснуть врозь, веруя, что могу...»	144
3. «Это имя — льняное, больное, как стебли быльи...»	145
4. «Я чувствую, что больше не могу...»	145
5. «Не колесница — колея — прочь от порога...»	146
6. «Так явственно нездешнее родство...»	146
7. «Усилье слов оставило листу...»	147
8. «Какая боль в непрошеной любви...»	147
9. «Падѳшь и не поднимѳшься с лопаток...»	148
10. «И всё же быть, отверженность терпя...»	148
11. «Тупое упорство природы — вот всё, что смогли...»	148
12. «Скучная женщина молится по утрам...»	149
13. «Где-то там высоко ввечеру протрубили "отбой"...»	149
14. «В золотое небо твоѳ отлетает мольбы зола...»	150
Стихи Ольге	151
1. «Тайна твоя — в имени...»	151
2. «Давай и ты — опробуй в свой черѳд...»	151
Волчий цикл	153
1. «Я встретила волка за садом, где старые груши...»	153
2. «Когда умирала от голода — пришла и ела...»	154
3. «Волчий свой хлеб режѳшь на серебре...»	154
Музыка	155
Гейша	157

Листья	158
Джувьетта	160
Как родилась на свете грусть	162
Три колыбельные	163
1. «Когда глаза слипаются...»	163
2. «Баю, баю, — напеваю — о-лей-ли...»	163
3. Колыбельная для королевы	164

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Елена Лапшина
СОН ЗЛАТОГЛАЗКИ

Руководитель проекта *Вадим Месяц*
Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Издательство «Русский Гулливер» Тел. +7 (495) 159-00-59
E-mail: russian_gulliver@mail.ru <http://gulliverus.org>

По поводу покупки книг звонить: +7 (905) 575-41-03

Подписано в печать 22.06.2018. Формат 60х90^{1/16}. Печ. л. 10,75.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Тираж заказной.

Отпечатано: АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5. Тел.: 8 (499) 322-38-30